

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**АНДИЖАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ З. М. БАБУРА**

Кафедра филологии

На правах рукописи

Кобилова Дилдора

ВОПРОСЫ НОМИНАТИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ

СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**подготовлена для получения академической степени бакалавра
по направлению 5142200 – Русский язык и литература в иноязычных
группах**

Научный руководитель: доцент Таджибаев Б.Б.

Андижан – 2014 год

Оглавление

Введение

Глава I. Номинативная деривация.

- 1.1. Системность в языке как проявление изоморфизма
- 1.2. Эксплицитная и имплицитная системность номинативных средств
- 1.3. Словообразовательная конденсация. Части речи и номинативные классы
- 1.4. Номинативное членение и функциональная ономазиология
- 1.5. Номера как единица значения и выражения. Формула номинативной единицы
- 1.6. Слово и другие типы номинативных единиц
- 1.7. Границы раздельнооформленной номемы как означающего

Глава II. Производное слово и деривационное сочетание.

- 2.1. О деривационном анализе
- 2.2. Деривационное сочетание
- 2.3. Определяющие признаки деривационных сочетаний
- 2.4. Деривационное сочетание как коммуникативный элемент слова
- 2.5. Деривационное сочетание и номинативная системность
- 2.6. Деривационное сочетание в отношении к понятиям «морфологическое сочетание» и «аналитическая форма»
- 2.7. Семантика производных слов и деривационных сочетаний

Заключение.

Список использованной литературы.

« На мой взгляд, когда речь заходит об историческом прошлом, самосознании, духовности узбекского народа, нам недостает научно обоснованного, аналитического подхода, конкретности при рассмотрении некоторых вопросов. Выражаясь научно, нет целостной концепции. Самосознание, самоопределение начинается с изучения истории. Эта аксиома должна быть вынесена на уровень государственной политики».

«Мы объявили воспитание гармонично развитой личности приоритетным направлением государственной политики. Под гармонично развитой личностью мы, прежде всего, подразумеваем высокосоциальных, самостоятельно мыслящих, способных своим личным примером служить образцом для окружающих, высокообразованных людей».

«Нам требуются по-настоящему знающие, интеллектуальные, образованные люди, способные вести полемику на таких форумах, дискутировать на равных с учеными любого ранга и любой страны по самому широкому спектру проблем, будь то экономика или политика, духовность или культура».

«Основа развития общества, единственная сила, способная спасти его от разрушения, - это просвещение».

«Только воспитав интеллектуальных, высоконравственных людей, мы сможем добиться поставленных целей, процветания и прогресса в нашей стране».

И.А. Каримов.

Из статьи «Без исторической памяти нет будущего» (публикация в журнале «Мулокот», 1998 год, № 5).

Введение

Актуальность темы. К настоящему времени накоплен и известным образом систематизирован большой материал по изучению общих и частных явлений, связанных с проблематикой номинативной системы языка. Несомненны достижения в объяснении словообразовательной структуры слова, способов и моделей словообразования, отношений мотивированности и производности, словообразовательных гнезд, узуальности и окказиональности в словообразовании. Но, имея своим объектом слово, словообразование не включает вопросы системной деривации производных номинаций, соотносительных со всеми единицами производящего класса. Между тем слово одного класса в условиях, продиктованных логикой номинативной деривации, проецируется в другой, семантически более сложный класс, независимо от того, может быть образовано производное слово или нет. В последнем случае появляются и раздельнооформленные номинации – словосочетания, которые являются реальными заместителями отсутствующего слова. Обладая свойствами модельности, регулярности и рядом других важных признаков, восполняя недостаточность словообразования, они тем самым включаются в систему номинативной деривации.

В исследовании производных номинаций, представляющих собой проекцию исходного слова в значениях разных частей речи и их подклассов, плодотворным оказалось исходить из семантики, а не структуры производного слова. Это позволяет увидеть, что словообразование является лишь фасадом здания номинативной деривации. Только все его элементы в их взаимодействии, преодолевая словообразовательную недостаточность, создают высокую номинативную системность. Словообразование и грамматика частей речи оказываются лишь основой более сложного объекта исследования – номинативной системы и деривационной грамматики.

Степень изученности темы. Исследование словообразования «в себе и для себя», составляя, безусловно, важный и необходимый этап исследования, сменяется, в настоящее время исследованием словообразования «в языке и для языка». К этому ведет и общая логика развития современной лингвистики, стремящейся описать язык в действии, как целостную систему, все уровни и механизмы которой сообща работают на «конечный результат» - порождение текста.

В последние годы появились все больше работ «интегрального» (используя выражение Ю.Д. Апресяна) типа, в которых проблемы словообразования включаются тем или иным образом в общую перспективу языка, исследуются в тесной связи с вопросами и задачами лексической семантики, теории номинации, морфологии и особенно

синтаксиса. Сложные взаимоотношения словообразования с синтаксисом исследуются в целом ряде аспектов.

Интенсивно развивается направление, подчеркивающее изофункциональность словообразования и синтаксиса в рамках деривационной (номинативной) системы. Словообразование и синтаксис сближаются на том основании, что они являются механизмами создания номинативных единиц.

Наиболее полное и развернутое выражение концепция «номинативного пересечения» словообразования и синтаксиса получила в работах В.М. Никитевича¹. В разрабатываемой автором теории «деривационной грамматики» система производных слов объединяется с системой производных словосочетаний в рамках системы номинативной деривации. Деривационные сочетания (*житель города, работники промышленности, тот, кто живет на юге* и т.п.) могут выступать как функциональные соответствия (номинативные эквиваленты) производных слов (*горожанин, пиццевики, южанин*) или являться единственным способом выражения словообразовательной семантики (*житель деревни*). При этом разнообразие словосочетаний ставит перед необходимостью дифференцированного описания их отношений к словообразованию и их положения в системе номинативной деривации.

Подобие аналитических номинативных единиц и производных слов проявляется и в характере вывода смысла целого из значения частей: трансформация исходного лексического значения компонентов, составляющих аналитическую номинативную единицу, в общем своём виде изоморфна трансформациям исходных значений лексических морфем в составе слова. Аналитические номинативные единицы, как и слова, различаются по степени фразеологической семантики.

В работе Г.С. Чинчлея² вводится понятие и термин «деривационное гнездо»: в такое гнездо, наряду с цельнооформленными единицами, войдут и раздельнооформленные единицы словаря, устойчивые сочетания прежде всего. Словообразовательная и деривационная системы состоят в отношении гипонимии: словообразование является ядром системы деривации. Периферию же этой системы составляют другие виды деривации – супплетивная и раздельнооформленная.

С положениями «деривационной грамматики» перекликается (в некоторой части)

---

¹ Никитевич В.М. Словообразование и деривационная грамматика. – Алма-Ата, 1978. Он же. Идиоматичность и аналитизм как свойства номинативной деривации // Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М.Тореза, 1980, № 164.

² Чинчлей Г.С. Словообразовательные и деривационные гнезда. – Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1982.

теория Л.В. Сахарного³. Отмечая, что в современной лингвистике по существу не исследуются межуровневые отношения, и критикуя её «межуровневый» атомизм, Л.В. Сахарный подчёркивает особую актуальность исследований «межуровневого», в особенности «надуровневого» характера». Автор объединяет слова и единицы синтаксического характера в рамках единой системы коммуникативных номинаций (КН). В качестве КН могут выступать морфемы, слова, словосочетания, предложения, фразы, единицы других, ещё более высоких уровней. Введение понятия КН позволяет описывать явления разных уровней языка в рамках единой теории и системы терминов. В работах Л.В. Сахарного предлагается типология КН (воспроизводимые и конструируемые, компактные и развернутые, членимые и нечленимые), определяется и характеризуется место производных и производных слов в системе КН, сходство и отличия слова как КН и соответствующего словосочетания. Ср. примеры: *кибернетическое устройство – кибер; человек, чем-то похожий на осла – осёл*).

Против возведения производных к синтаксическим единицам выступает С.Ю. Адливанкин⁴. Существует мнение, что образование однословных наименований может происходить или же происходит обязательно в результате трансформации (универбации) словосочетания в слово, превращение одной экспликативной формы в другую. Такое понимание, по меньшей мере, спорно: деривационный процесс имеет только одно направление – от содержания к форме. Несомненно, кодирование при помощи раздельнооформленных знаковых конструкций иногда хронологически предшествует образованию цельнооформленных наименований, однако это вовсе не означает, что вторые образуются из первых. Синтетические наименования образуются в данном случае лишь «на фоне» аналитических.

В концепции В.В. Мартынова⁵ словообразование – это «механизм деривационной редукции, который позволяет сконденсировать предложение без существенных потерь информации» в номинативную единицу: *Люди рубят лес > Лес рубящие люди > Лесорубы*. Подобные преобразования автор рассматривает как парадигматическую трансформацию, переходящую в семантическую конденсацию. Семантическая конденсация неизбежно сопровождается деривационным процессом, протекающим в соответствии с словообразовательными моделями. Образование номинативных единиц проходит несколько этапов. На первом – из предложения образуется двухкомпонентная

---

³ Сахарный Л.В. Словообразование в речевой деятельности (образование и функционирование производного слова в русском языке) // АДД. – Л., 1980.

⁴ Адливанкин С.Ю. К вопросу об онтологии словообразования и его формах. // Проблемы дериватологии. – Пермь, 1981. Вып.1.

⁵ Мартынов В.В. Категория языка. – М., 1982 (гл. Словообразование).

номинативная единица, на конечном – двухкомпонентная единица конденсируется в однокомпонентную, универбируется: *вода газифируется* > *газифируемая вода* > *газифируемая вода* > *газификация*. В этом процессе, однако, обязательной является только двухкомпонентность новой номинативной единицы. В дальнейшем она не сразу и не обязательно преобразуется в однокомпонентную. Так, *белый заяц* > *беляк*, но номинативная единица *белый медведь* сохранила свою двухкомпонентную структуру.

Автор описывает типы образований, отличающиеся друг от друга характером свертывания: свертывание в пользу модификатора с заменой модифицируемого суффиксом (*старый человек* > *старик*) и свертывание в пользу модифицируемого элемента (*маленький стол* > *столик*).

Основная **цель** выпускной **работы** – раскрыть и обосновать тесную взаимосвязь способов словообразования с аналитическим и синтаксическим способами создания номинаций. Поставленная цель предопределила решение следующих **задач**:

- проанализировать системность в языке как проявление изоморфизма;
- отобрать эксплицитные и имплицитные номинативные средства;
- охарактеризовать номему как единицу плана выражения и содержания;
- определить границы раздельноформленной номемы как означающего;
- выявить черты сходства и различия производного слова и деривационного сочетания;
- выявить свойства деривационного сочетания как коммуникативного элемента;
- рассмотреть семантику производных слов и деривационных сочетаний.

Объект исследования – система номинативной деривации современного русского языка.

Предмет исследования – свойства производных слов и деривационных сочетаний.

Методы исследования. При рассмотрении системных отношений номинативных единиц использован описательно-аналитический метод. При изучении семантической структуры производных слов и деривационных сочетаний применен метод компонентного анализа.

Теоретическая значимость работы. В ней словообразование рассматривается как часть системы номинации, соответственно и связь словообразования и синтаксиса исследуется с точки зрения номинативной системы, в номинативном аспекте.

Связи между словообразованием и синтаксисом анализируются как в плане установления **изоморфизма** словообразования и синтаксиса в ряде аспектов, так и в плане изучения **материальных** связей между словообразовательными и синтаксическими явлениями. Связь между словообразованием и синтаксисом проявляется в том, что существует ряд языковых фактов, природа которых обнаруживает совместное действие

словообразовательных и синтаксических механизмов, что существует общность в самом устройстве словообразовательной и синтаксической системы языка.

Практическая значимость работы. В ней объединяются и углубляются знания, которые студент-филолог получает при изучении разных дисциплин – словообразования, синтаксиса и общего языкознания. В работе сделана попытка переориентации содержания от информационного к методологическому, что в настоящее время рассматривается как одно из важнейших условий развития филологического образования. Работа ставит задачу вызвать научно-исследовательский, творческий интерес к затронутой проблематике.

Структура работы. Она состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Во введении дается обоснование актуальности работы, раскрывается степень изученности темы, характеризуются объект, предмет и методы исследования, теоретическая и практическая значимость работы.

В главе первой системность языка определяется как последовательное проявление общих свойств и закономерностей в строении, семантике и функциях элементов языка разных уровней.

Системность существует в двух видах: эксплицитной и имплицитной. В первом случае синонимические отношения устанавливаются между материально родственными единицами. Во втором – синонимические отношения устанавливаются между материально неродственными единицами. Из двух типов отношений между словами с общим смыслом, например *вызывать – порождать (богач – кулак, цепочкой – вереницей* и т.п.) и *рождать – порождать (богач – богатей, цепочкой – цепью)*, более характерен первый. Из двух типов отношений между предложениями с общим смыслом, например *Они собрали богатый урожай – Они получили обильный урожай*, более характерен второй. Это объясняется тем, что в предложении как основной единице коммуникации значения составляющих его слов находятся в сложной взаимозависимости, которая исключает возможность одновременной механической замены всех слов синонимами. Богатейшие возможности семантики слова строго избирательно реализуются в составе предложения.

Индивидуальность речи во многом определяется синонимикой номинативных средств. Этот процесс находит свое выражение в однословных «семантических конденсациях» при различного рода включениях: определяемого (*передовая статья – передовая, передовая позиция – передовая, курсовая работа – курсовая*), определяющего (*высокое давление – давление, Ученый совет – Совет*) и т. д. Эти явления очень характерны для живой разговорной речи.

Номинация как процесс – это создание не только слова, но и коммуникативного заместителя слова во всех тех случаях, когда слово не может быть создано или когда оно не вполне удовлетворяет цели высказывания. Номинативная единица становится единственным средством выражения требуемого понятия. Более сложный, чем слово, его номинативный эквивалент обычно обладает большими дифференцирующими возможностями и поэтому может актуализировать те элементы номинации, которые стираются в самом слове.

В главе второй дается сравнение и противопоставление производного слова и деривационного сочетания.

Не только слово, но и сочетание слов имеет номинативную функцию и является номинативной единицей. Основы, не способные передать понятие лица посредством аффиксного (суффиксного) эквивалента, выражают его другими способами, одним из которых остается сочетание с лексическим выражением понятия лица (*отважный (мужественный) человек*, ср. также *коротыш*, но *высокий человек*).

Для деривационного сочетания важно не просто указание на семантическую ориентацию аффикса (*москвич* – живет в Москве, *бедняк* – принадлежит к бедноте и т.д.), а его коммуникативное и модельное соответствие имеющимся в языке или потенциально возможным в нем рядам производных слов (*москвич* – житель Москвы, *бедняк* – бедный человек (в одном из значений)).

Отсюда следует, что коммуникативная функция – такой же обязательный признак деривационного сочетания, как и цельнооформленной единицы, т.е. отдельного слова.

Коммуникативная эквивалентность, которая проявляется в способности замещения сочетанием производных аффиксации при сохранении общего смысла, уже указывает на его связь со словообразованием. Но при отсутствии производных аффиксации, когда сочетание может оказаться единственным средством выражения требуемого производного значения, оно уже включается в деривационную систему не как синоним производного аффиксации, а как единственный способ деривации производных значений.

В заключении делаются выводы по всей работе в целом.

Глава I

НОМИНАТИВНАЯ ДЕРИВАЦИЯ

1.1. Системность в языке как проявление изоморфизма

Любая наука, стремясь к наиболее правильному отображению своего предмета (объекта), неизбежно приходит к признанию некоторых кардинальных для нее понятий, к признанию некоторых кардинальных для нее понятий. Хотя в процессе проникновения в тайны исследуемого открываются неизвестные ранее факты и их свойства, а известные выглядят по-новому и освещаются все более истинным светом, эти понятия в своей основе оказываются незыблемыми.

В науке о языке одним из важнейших является понятие **языковой системности**. Оно невольно входит в сознание каждого размышляющего филолога. Он должен прийти к мысли, что важнейшая особенность грамматики — это системность, так как разные слова объединяются в системы — части речи, обладающие присущими только им свойствами⁶. Один из вероятных путей таких размышлений приведет к выводу, что каждая значимая единица языка входит в самые разные системы. Слово одновременно является единицей фонетической, лексической, морфологической и синтаксической⁷. Какие бы его свойства мы ни рассматривали, мы заметим их упорядоченность и взаимосвязь. Связи и отношения одного слова с другими словами и сочетаниями слов в речи могут быть обязательными, возможными или абсолютно невозможными. Эти связи и отношения не случайны, не хаотичны, а подчиняются строгим правилам — они **системны**⁸.

Каждый признак единицы языка находится в сложной взаимозависимости с другими соотносительными признаками. Системность языка проявляется многообразно — как в больших его совокупностях (например, словообразовательная, грамматическая системы), так и в минимальных противопоставлениях его элементов всех уровней — оппозициях. Хотя термин «системность» редко применяется по отношению к оппозиции, но какое же иное свойство проявляется у [б] в его связях с [б'] и [п], если оно повторяется во многих других группах согласных фонем? Есть и иные показатели, как акустические, так и фонологические, по которым можно описать внутреннюю системность фонетического (звукового) строя языка.

Основа системности языка, ее «душа» проявляется в изоморфизме, в том, что общие свойства и закономерности объединяют единицы разной сложности. Так, отношение минимального различия — оппозиции мы найдем не только между элементарными единицами — звуками, но и между грамматическими формами, однако там оно проявится в принципиально новом качестве — как различие не только в звучании, но и в значении.

Системность проявляется в ее высокой регулярности. Отношение по значению лица, например, глагольных форм *вижу* — *видишь* повторится в большинстве других глаголов, и нам не придет в голову искать это отношение в такой паре слов, как *вижу* *облако*. Здесь мы обнаружим отношение между управляющим глаголом и прямым объектом, и оно

---

⁶ «Системы наиболее выдающиеся...- системы склонения и спряжения», - писал еще в 19 в. известный языковед Н.В.Крушевский (Крушевский Н.В. Очерки науки о языке.- Казань, 1883). См.: Общее языкознание: Хрестоматия \ Сост. В.И. Косовский.- Минск, 1976, с.289.

⁷ Макаев Э.А. Структура слова и в индоевропейских и германских языках. - М., 1970, с. 256; Новиков Л.А. Семантика русского языка.- М., 1982, с.60-61.

⁸ Данеш Фр., Гаузенблас К. Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств.- В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969, с.11. См. также: Соболева П.А. Деривационные процессы в связи с разграничением синхронии и диахронии.- В кн.: Проблемы дериватологии: Тез. докл. Пермь, 1981, с.29.

опять-таки повторится в тысячах других связей глагола и существительного.

Оппозиции по одному, по двум и более минимальным различиям есть не только в грамматике, но и в словообразовании. Так, грамматические формы *сад* — *сада* различаются только значением падежа, *сад* — *сады* — числа, а *сада* — *сады* — и падежа и числа, т. е. одновременно по двум признакам. Но сходное усложнение различий мы можем увидеть и в следующих словообразовательных парах: *сад* — *садовый* различаются значением части речи, *сад* — *садик* — значением уменьшительности, *садик* — *садовый* — значениями части речи и уменьшительности, т. е. также одновременно по двум признакам. Но куда существеннее то, что различие между грамматическими и словообразовательными парами может оказаться вообще второстепенным по сравнению с другими, общими свойствами входящих в них единиц. Так, различие в парах *сад* — *сада* и *сад* — *садовый* связано с различием синтаксических позиций, оно является синтагматическим. Различие же в парах *сад* — *сады* и *сад* — *садик* не связано с различием синтаксических позиций, оно является парадигматическим. В этих парах, и грамматических, и словообразовательных, составляющие их единицы объединены не только значением, но и отношением производности (мотивированности) — формо- и словообразованием. Вместе с тем независимо от противопоставления «грамматика — словообразование» пары *сада* — *сады* и *садовый* — *садик* объединены только как оппозиции с различиями по двум признакам.

В поисках общих закономерностей, которые объединяют грамматику и словообразование, а значит, указывают, что эти «частные» и, казалось бы, далекие друг от друга системы могут обладать и некоей общей «высшей» системностью, мы сталкиваемся и с фактами нарушений системности. Если мы возьмем вместо слов *лес*, *сад*, например, слова *роща*, *дубрава*, *джунгли*, мы не получим прилагательного. От существительного *джунгли* мы не получим и формы единственного числа. И подобных фактов много. Нарушения системности можно увидеть и в многочисленных отклонениях от основных правил изменения слов — склонения и спряжения. Сюда относятся и так называемые неправильные глаголы типа *есть*, *дать*, и различные исключения из правил, например, при образовании форм множественного числа существительных (ср. *стол-ы* и *стул-ья*, *дед-ы* и *сосед-и*) и т. д. Наиболее законченным выражением такой «несистемности» является условность связи между материальным знаком и его значением. Например, слова *белизна*, *краснота*, *синева* выражают одно и то же словообразовательное значение разными суффиксами. И вместе с тем каждый суффикс может явиться носителем вторичных и нетипичных для них значений (ср. их значения в словах *отчизна*, *высота* в предметном значении).

Уже из этих фактов видно, что материальная, звуковая сторона языка не является строгой системой. Важнейшие свойства реальных языков складываются как из системных, так и из несистемных (асистемных) отношений между структурами означающих⁹. Но если исходить и из того, что существенна системность содержательной, значимой стороны языка, язык также нельзя признать системой строгой и точной. Ведь язык проявляет себя, живет в речи, в процессе общения, и все его элементы испытывают постоянное давление и влияние со стороны носителей, говорящих и пишущих. Сколько индивидуальных заданий получают элементы языковой системы, особенно наиболее подвижные и факультативные! Кроме всего, литературный язык, его лексика и даже грамматика находятся в сложных взаимоотношениях с фактами диалектов, территориальных и социальных, а все вместе они изменяются и исторически.

Язык — система, но это динамическая, подвижная система, в которой возникают неожиданно отдельные пустоты или, напротив, появляются избыточные единицы¹⁰.

⁹ Будагов Р.А. Система и антисистема в науке о языке. — Вопросы языкознания, 1978, № 4.

¹⁰ Описание языка в его динамике, «в движении от общего кода, от системы

Исходя из того, что в языке обнаруживаются минимальные микросистемы, которые, постепенно усложняясь, образуют такие системы, как фонетическая, лексическая, словообразовательная, грамматическая, язык — это система систем¹¹.

Понятие «система» ориентирует на представление о совокупности сходных и классификационно объединенных реальных единиц языка одинаковой структуры, одного уровня. Поэтому наряду с понятием «система» необходимым оказывается понятие системности¹². Системность языка — это последовательное проявление общих свойств и закономерностей в строении, семантике и функциях элементов языка разных уровней.

1.2. Эксплицитная и имплицитная системность номинативных средств

Исследование любого отдельного явления языка как части сложного целого неизбежно требует исходить из общих свойств, которыми обладает, хотя и в разной степени, каждый элемент этого целого, т. е. учитывать окружающий его контекст системности. В отличие от других знаковых систем единицы естественного языка получают свои значения дважды: как номинативные средства (первичное означивание) и как единицы речи (вторичное означивание). Как номинативные средства они выступают в первичной своей функции, являясь знаками предметов, явлений, событий реальной действительности. Как единицы речи они выступают во вторичной и основной своей функции — коммуникативной, становясь знаками новых сущностей и отношений в процессе создания предикации высказывания¹³. Следует лишь подчеркнуть, что эти функции нераздельны, они лишь две стороны общего процесса, и семиотическое (знак), т. е. то, что «должно быть узнано», в языке существует и как семантическое (речь), т. е. то, что «должно быть понято».

В дальнейшем многозначный термин «слово» и будет нас интересовать главным образом как цельнооформленная номинативная единица, т. е. знак «кусочка» действительности. Выступая в тексте, выполняя коммуникативную функцию, слово, как и номинативная единица более сложной структуры, становится единицей речи (речевой единицей).

Одно из свойств языка состоит в том, что он представляет собой материальную (знаковую) систему, которая обеспечивает его функционирование в форме речи как важнейшего средства человеческого общения. Со всей очевидностью системность обнаруживается в организации номинативных единиц, т. е. таких языковых знаков, которые выступают как названия предметов, явлений и связанных с ними процессов, признаков и т. д.

Достаточно распространенное и признанное мнение о том, что языку «безразлично»,

---

виртуальных слов к конкретной их реализации в речи, от системы номинативных средств к их функционированию в речи» создает возможность наиболее глубокого проникновения в его системность (Уфимцева А.А. Семантика слова. — В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 14.).

¹¹ Некоторые лингвисты под «системой систем» понимают структуру языка. (Кузнецова А.И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. — М., 1963; Общее языкознание: Внутренняя структура языка. — М., 1972). Система и структура различаются здесь частично. Они обладают общими признаками (устойчивость, упорядоченность и др.) и различными: система — автономность, функциональность, структура — совокупность связей и отношений, программа развития др.

¹² «Все современное языкознание пронизано идеей системности языковых фактов» (Супрун А.Е. Проблема системности лексики. — В кн.: Методы изучения лексики. Минск, 1975, с. 12). Ср. «Системностью обладает не только язык, но и все знаковые множества» (Панов М.В. Русская фонетика. — М., 1967, с. 16).

¹³ Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974, с. 87–88. См. также: Языковая номинация: Общие вопросы. — М., 1977, с. 16, 114.

какими средствами осуществляется номинация¹⁴, справедливо в известной степени лишь в отношении к общему понятию языка. Оно и появляется прежде всего в результате выделения номинативных средств в типологически далеких друг от друга языках. За внешним «безразличием», мысль о котором обусловлена также богатыми возможностями функционально эквивалентных номинативных средств в одном и том же языке¹⁵, скрывается определенная упорядоченность, системность материальной организации этих средств.

Словообразовательная система как «совокупность словообразовательных типов, словообразовательных гнезд»¹⁶ лишь один из источников «порождения» номинативных средств языка. Только понимание языка как «**системы** взаимосвязанных элементов», всего многообразия явлений и проявлений общественного функционирования речи¹⁷ позволяет описать номинативную, а следовательно, и коммуникативную системность.

Когда мы говорим, т. е. выступаем как активные участники речевой деятельности, наш собственный «творческий» элемент — это прежде всего содержание нашей мысли. Что касается «формы» ее выражения, то мы здесь в значительной степени автоматичны, так как обычно используем готовые слова и модели, схемы сочетаний слов и предложений, отстоявшиеся и закрепленные в языке. Это регистрируется правильностью (нормой), регулярностью и массовой воспроизводимостью номинативных средств и правил их объединения у говорящего и, главное, более или менее адекватным пониманием со стороны слушающего¹⁸. Л. В. Щерба по этому поводу сказал: «Человеку в процессе повседневного общения нет времени для особого языкотворчества, и он в громадном большинстве случаев пользуется готовыми фразами»¹⁹.

Представляется, что меньше всего нужно акцентировать внимание на том, что «нет времени». Даже в устной речи, где для обдумывания нет таких условий, как в письменной, очень мало или вообще нет «случайного». Не только в процессе номинации (которая в виде «замедленной съемки» может быть представлена как поиск наиболее точного слова или его эквивалента), но и в самом построении высказывания индивидуальное носит характер общего. Это не противоречит тому, что говорящий обычно передает одно и то же содержание «по-своему», важно то, что делает это он **в** нормальных условиях без опасения, что слушающий его не поймет. **И** даже тогда, когда говорящий пересказывает услышанное «своими словами», он, как правило, использует готовые уже слова, готовые связи и соответственно более сложные, чем слово, отрезки высказывания.

Для говорящего лишь остается известная свобода выбора готовых или производимых по существующим моделям единиц — слов и номинативных отрезков иной структуры. Свобода выбора основана на том, что одному и тому же означаемому могут соответствовать по общему смыслу разные означающие — слова и словосочетания. Но любая такая группа означающих как смысловых соответствий имеет достаточно четкие границы. В этом проявляется та сторона системности языка, которая может стать важной

---

¹⁴ Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование (к проблеме онтологии языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1970, с. 34.

¹⁵ О разнообразии «вариантов для обозначения одних и тех же семантических единиц» см.: Филин Ф.П. О структуре современного русского литературного языка. — М., 1973, с. 3-4.

¹⁶ Русская грамматика. — М., 1980, т.1, с.137.

¹⁷ Виноградов В.В. Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры. — Вопр. Языкознания, 1961, №4, с.10-11.

¹⁸ Полная адекватность понимания вряд ли возможна. Реакция слушающего — *Я вас не понял*, как и говорящего — *Меня неправильно поняли* отнюдь не является следствием только того, что «не расслышал». Такое недопонимание возникает и при чтении, и причина этого кроется в неясности изложения или нечеткости восприятия, а значит, мышления индивидуума. Эти психофизиологические проблемы речевой деятельности не относятся к самой системе языка.

¹⁹ Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. — М., 1999, с. 131.

предпосылкой выделения наиболее организованной части номинативных средств, а следовательно, и их системного описания.

Свойство системности номинативных средств разных уровней²⁰ проявляется по-разному. Если исходить из того, что некий общий смысл можно передать не одним предложением, а многими, при этом как сходными, так и далекими друг от друга по своему набору слов и синтаксической структуре, то можно прийти к мысли об отсутствии какой бы то ни было системности номинативных средств. Однако системность есть, и проявляется она в сложной и тонкой взаимосвязи семантико-стилистических свойств компонентов предложения²¹.

Пределом различия между наиболее далекими друг от друга предложениями с общим смыслом должно явиться полное отсутствие общего, даже простейшего материального знака (морфемы) как компонента их номинативных средств. В этом случае мы должны были бы получить таких два предложения, которые явились бы разными означающими с общим означаемым (общим смыслом).

Это явление изоморфно лексической синонимии, суть которой состоит в том, что в процессе общения материально разные слова способны совпадать в общем значении. Для предложения, однако, характерна синтаксическая, а не лексическая синонимия. Трудно «найти предложение, которое бы соответствовало по смыслу некоему исходному, но не имело с ним ни одного общего знака, т. е. было его лексическим синонимом.

Различие в характере синонимии между словом и предложением можно наглядно иллюстрировать, сравнивая их синонимические ряды. Для синонимического лексического ряда характерно объединение слов как материально неродственных знаков. Например, разные значения слова *богатый* включаются в следующие синонимические ряды: 1) богатый, состоятельный, обеспеченный, имущий, зажиточный, крепкий, денежный; 2) богатый, обильный, щедрый; 3) богатый, роскошный, пышный, великолепный, шикарный. Для синонимического ряда в границах предложения характерно объединение предложений с включением материально родственных знаков. Между такими «лексическими синонимами», как *Они собрали богатый урожай* и *Ими получена обильная жатва* существует множество переходных предложений, различающихся лишь частично (например, *Они сняли обильный урожай*), не говоря уже о том, что предложение *Ими получена обильная жатва* стилистически явно не безгрешно. Типичны такие соотносительные конструкции, которые обязательно включают общий материальный знак. Если в данном случае будет идти речь не о «них», а о колхозниках, то не представляется, как преобразовать слово *колхозники*, кроме как в сочетании *члены колхоза*, чтобы сохранить общий смысл предложения.

Подобные различия между неодинаковыми предложениями соответствуют синонимам, которые включают общие материальные морфемы. К ним относятся, например, такие группы глаголов, как *порождать, рождать, зарождать* и *возбуждать, пробуждать, будить*. Но обе эти группы могут выступить также в одном значении, т. е. являются синонимами, хотя и различаются корневыми морфемами. Более того, они включаются в синонимический ряд с другими знаково далекими друг от друга словами: *вызывать, поднимать, зажигать, воспалять*.

Вся лексика может быть рассмотрена как система синонимических рядов, т. е. микросистем, в основе которых лежит объединение разных слов на основе их способности замещать друг друга с сохранением общего смысла. Но эта способность проявляется в процессе коммуникативной деятельности, в слове не самом по себе, а когда оно «функционирует» в предложении. Поэтому высшим проявлением такой способности

---

²⁰ Термин «уровень» используется в значении, получившем распространение в русской лингвистической литературе (Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа. – В кн.: Новое в лингвистике. М., Э 1965, вып.4., с.436).

²¹ Есперсен О. Философия грамматики. – М., 2000, с.101.

будет взаимозамещение с сохранением общего смысла самих предложений, и реально в языке как коммуникативной системе существуют синонимические ряды не только слов, но и предложений.

Изоморфизм синонимии является свидетельством высокой системности номинативных средств. Эта системность существует в двух видах: а) выраженная, **эксплицитная** системность, когда синонимические отношения устанавливаются между материально родственными единицами; б) невыраженная, **имплицитная** системность, когда синонимические отношения устанавливаются между материально неродственными единицами. Имплицитная системность господствует в словарном составе языка, эксплицитная — в коммуникативной системе языка, в составе предложений. Иначе говоря, из двух типов отношений между словами с общим смыслом, например *вызывать* — *порождать* (*богач* — *кулак*, *цепочкой* — *вереницей* и т. п.) и *рождать* — *порождать* (*богач* — *богачей*, *цепочкой* — *цепью*), более характерен первый. Из двух типов отношений между предложениями с общим смыслом, например *Они собрали богатый урожай* — *Ими получена обильная жатва* и *Они собрали богатый урожай* — *Они получили обильный урожай*, более характерен второй. Это объясняется тем, что в предложении как основной единице коммуникации значения составляющих его слов находятся в сложной взаимозависимости, которая исключает возможность одновременной механической замены всех слов их синонимами. Богатейшие возможности семантики слова, выразившиеся в развитии синонимических рядов, строго избирательно реализуются в составе предложения.

Лексическая синонимия как смысловое соответствие одного слова другому, материально отличному от него, не обеспечивает необходимого варьирования языковых средств в выражении общего смысла в составе предложения. Если исходное предложение состояло бы из таких однозначных слов (точнее, словоформ), каждое из которых имело бы, например, не менее восьми синонимов, то при одновременной замене исходных слов их синонимами мы получили бы только восемь полностью лексически отличающихся друг от друга предложений с общим смыслом. Но соответствие слова всем его синонимам не может проявиться в контексте одного и того же предложения. Свобода выбора слова из возможных синонимов существенно ограничивается тем, что требуемое значение реализуется в определенной сочетаемости данного слова с другими. Поэтому все многообразие предложений с общим смыслом как результат преобразования исходного (хотя вряд ли следует говорить о миллионах фраз) всегда объединяется материально родственными компонентами. При этом слово способно замещаться не только однословным соответствием, но и сочетанием слов. В сложном синтаксическом целом характерно смысловое соответствие не столько типа *богатый* — *зажиточный*, *крепкий*, сколько *богатый* — *который богат*, или не столько *богач* — *кулак*, сколько *богач* — *богатый человек*, *богатый*, (*тот*) *кто богат* и т. д.

Совершенно очевидно, что выделение соответствий второго типа особенно важно. Они опираются на знаковую организацию (системность) единиц, способных выступить в одном значении. Организация языковых средств проявляется здесь не только в плане содержания, но и в плане выражения. В силу своего эксплицитного (выраженного) характера, а также и потому, что они лежат в основе многообразия предложений с общим смыслом, изучение их особенно актуально.

Параллелизм имплицитных и эксплицитных номинативных средств четко прослеживается в различных областях языковой системы. Имплицитное, полностью переведенное в лексический план, выражение деривационных (в широком смысле) отношений можно показать на примерах типа *рубить* — *топор*, *строгать* — *рубанок* и т. д. Вместе с тем для обозначения «инструмента действия» по самому действию характерны и эксплицитные отношения между означающими: *пилить* — *пила* ²². Эксплицитное

²² Так называемое супплетивное словообразование (*рубить* — *топор*), безусловно,

выражение значений, при котором разные единицы сохраняют частично общий материальный знак, господствует не только в собственно словообразовании, но и вообще в деривации различий по частям речи. Эксплицитность отношений равнозначности порядка *богатый* — *который богат* свойственна и деривации производных значений: *богатый* — *становиться богатым*.

Последнее обстоятельство лишний раз помогает уяснить, сколь важно исследование отношений между знаково мотивированными, т. е. сохраняющими знаковое родство, единицами, которые функционально соответствуют отношениям в собственно словообразовании. Они не случайно выделяются как важнейшая часть в чем-то различающихся, а в чем-то сходных номинативных компонентах предложения независимо от самых различных его преобразований, где обязательным является лишь единственное ограничение — сохранение общего смысла.

Основанная на материальном родстве знаков-слов системность словообразования находит свое продолжение и в таком сложном синтаксическом целом, как предложение, где свобода его изменений в условиях общего смысла в отличие от слова может представляться чуть ли не бесконечной. Сравнение полнозначного слова как одного из основных номинативных компонентов, с помощью которых мы конструируем предложение, с его смысловыми соответствиями в процессе преобразований предложения показывает, что они в основном сохраняют материальное родство с этим словом.

Обеспечивая разнообразие речевых средств, которые позволяют передать одну и ту же мысль «своими словами», эксплицитные соответствия могут быть выделены в процессе лингвистического анализа разных предложений с общим смыслом. В отличие от собственно лексических синонимов как имплицитных соответствий в границах слова, эксплицитные соответствия обычно представлены сочетаниями слов. Как и исходное полнозначное слово, которое обычно открывает ряд соответствий, объединенных общим значением, такое сочетание слов также выступает как номинативная единица. Часто такое сочетание слов выражает производное деривационное значение, которое не может быть выражено производным словом. К ним относятся, например, глагольные сочетания типа *становиться жадным (щедрым, трусливым)*, но ср. *становиться богатым* и *богатеть*.

Ограничение номинативных соответствий отдельного слова по признаку эксплицитности (наличие общего знака) и по признаку общего деривационного значения (значение части речи и ее подкласса) позволяет выделить такие из них, которые обладают наибольшей системностью. В группе совпадающих по общему смыслу предложений *То, что он относится дружески (по-дружески, как друг), ничего не меняет*, и *Его дружеское отношение ничего не меняет* указанному ограничению удовлетворяют соответствия *дружески, по-дружески, как друг*. Исследование корреляций подобного рода возможно как в плане их зависимости от образующих основ, так и в плане дифференциации инвариантного значения: В целом здесь группируются вопросы, решение которых в данном конкретном случае помогает получить более полное и глубокое представление о классе номинаций, в основе которых лежит наречие. На известном этапе исследования исключаются такие эксплицитные параллели, как *относится дружески* и *дружеское отношение*, поскольку их смысловое соответствие не связано с совпадением по частям речи и возникает в условиях перестройки синтаксиса предложения. Понятно, однако, что и здесь имеет место определенная системность, и ее исследование позволяет решать новые и более сложные задачи по сравнению с теми, которые решает наука о словообразовании.

1.3. Словообразовательная конденсация. Части речи и номинативные классы

Эксплицитные корреляты отдельного слова, как правило, являются раздельнооформленными по своей структуре, состоят не менее чем из двух слов. Поэтому в номинативной системе господствует «разноуровневая» синонимика. Индивидуальность речи во многом и определяется синонимикой номинативных средств.

Этот процесс подчинен тенденции к «сгущению семантического содержания в одном слове»²³, к «механическому сокращению и конденсации»²⁴. Он находит свое выражение в однословных «семантических конденсациях» при различного рода включениях: определяемого (*передовая статья — передовая*; ср. также: *передовая позиция — передовая, курсовая работа — курсовая*), определяющего (*высокое давление — давление, Ученый совет — Совет*) и т. д. Эти явления очень характерны для живой разговорной речи²⁵. Различные виды трансформаций сочетаний слова и отдельное слово привлекают все большее внимание²⁶.

Вне семантических процессов, результатом которых является развитие многозначности, важнейшим средством однословной конденсации будет словообразование²⁷.

Такой способ словообразования, как аффиксация, обнаружит свою конденсирующую силу, если сравнивать производные слова с синонимичными им сочетаниями слов. Например, глаголы *бледнеть, темнеть* или *полнеть, худеть* указывают на свое значение, являясь синонимами сочетаний с глаголом *становиться*: *полнеть — становится полным*. В группах равнозначных номинативных средств они, следовательно, выступают как конденсаты (в другой терминологии — «универбы») по отношению к таким сочетаниям. Это не дает оснований считать, что каждое производное слово реально возникает как результат конденсаций словосочетаний. Ряды идентичных производных слов появляются непосредственно от производящих слов, подчиняясь действующей «модели отношений»²⁸. Но, являясь синонимом словосочетания, слово может быть истолковано и как результат конденсации, что соответствует исторической закономерности.

Сила аффиксации, как правило, всегда имеет свои пределы. Придать такое (инхоативное) значение многим другим прилагательным, как это сделано выше, перевести их в класс глагола мы можем только путем сочетаний: *гордый — становится гордым, честный — становится честным* и т. д., но ср. *умный — становится умным и умнеть*. В словосложении, которое обычно объединяется со способами аффиксации, конденсация может выступать в своем «чистом виде» без изменения значения: (*дом*) *в три этажа — трехэтажный (дом), с синими глазами — синеглазый* и др. Примером чистой конденсации являются сращения (*место жительства — местожительство*, в чеш. *místě místo — malo- místo*, но ср. в пол. *mieszcina*), где практически мы экономим лишь «пробел» между словами. Близки к ним усечения (*заведующий — зав*, но ср. в белор. *загадчык*), которые в сочетаниях слов имеют разные степени конденсации (*комсбюро*,

²³ Исаченко А.В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков. Прага, 1958, с. 340.

²⁴ Докулил М. Словообразование в чешском языке. Варшава, 1979. С. 36.

²⁵ Капанадзе Л.А. Русская разговорная речь. — М., 1973. С. 417.

²⁶ Адливанкин С.Ю. К вопросу об универбизации и универбах. — В кн.: Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Гродно, 1982. С. 7.

²⁷ Павленко Н.А. Развитие белорусского субстантивного словообразования: АДД. — Минск, 1979.

²⁸ Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. — М., 1981, с. 29.

комсорг) и конечной ступенью которых являются слоговые, буквенные и звуковые аббревиатуры (БГУ, МГУ, ООН)²⁹.

Процесс конденсации не ограничивается номинациями, соотносительными с отдельным словом. Он проявляется и как опрощение более сложных сочетаний, например: *освободить от исполнения обязанностей* — *освободить от обязанностей*³⁰, и как метонимическое их преобразование: *в колыбели дорогое существо* — *пред колыбелью дорогой*³¹.

Следовательно, этот процесс может быть связан не только с эллиптированием сочетаний, т. е. как бы простой конденсацией, но и с формальной перестройкой их компонентов. Особенно это видно в разговорно-деловой речи, в которой можно отметить стремление преодолеть сложность книжного синтаксиса: *разведочные работы с целью обнаружения руд, содержащих молибден* — *разведочные работы* (ср.: *разведка*) *на молибден, испытания с целью определения грунтов к сдвигу* — *испытания грунтов на сдвиг*³².

Тенденция к конденсации сочетаний слов не всегда в состоянии закончить свой путь в однословном означающем — отдельном слове. Отдельное слово, несмотря на потенциальную способность заключать в себе всю емкость распространенного сочетания, не обладает неограниченными возможностями номинации. Оно может отсутствовать как реальная единица даже в тех случаях, где, казалось бы, нет необходимости в дискретном, неоднословном обозначении «кусочков» действительности.

Уже сами факты конденсации указывают, что слово не является единственным средством номинации. Еще Л. В. Щерба заявил, что «все-таки мы находимся под гипнозом морфологических форм, а язык имеет в своем распоряжении также выразительные средства, которыми он **п о б е ж д а е т** морфологические формы»³³.

Все более становится очевидным, что как номинативные эквиваленты могут выступать означающие разной структуры³⁴. Эквивалентность (которая понимается как совпадение общего смысла сравниваемых высказываний) возникает не механически и не случайно. Она является результатом сложного взаимодействия частей, составляющих высказывания. Если принять за минимальную часть высказывания некое отдельное слово (как основную языковую единицу), то его соответствием в сравниваемом высказывании может оказаться как слово, так и сочетание слов или более сложный синтаксический отрезок. Важно учитывать при этом не только способ представления грамматических (в частности, синтаксических) значений, но и способ представления номинативных значений, которые обеспечивают коммуникативную эквивалентность.

Подходя к системе номинаций только со стороны наиболее типичного знака — полнозначного слова, мы способны увидеть лишь ту часть номинативных значений, которые выражаются словом, другие же значения одного и того же класса и способы их выражения, реально существующие в языке, остаются вне поля зрения исследователя. Образно говоря, нам открывается лишь как бы «видимая» часть системы лексических означаемых языка, которая фиксируется в однословной (или соответствующей слову —

---

²⁹ Шуба П.П. Аббревиатуры-прилагательные в современном русском языке. — Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Минск, 1982. С.157.

³⁰ Прокопович А.Н. О процессах структурного преобразования словосочетаний в современном русском языке. М., 1966. С.144.

³¹ Везерова В.Н. Метонимия как результат синтагматического свертывания единиц языка. — Проблемы дериватологии. Пермь, 1981, с. 58.

³² Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М., 2003. С. 117–118.

³³ Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. — М., 1958, т.1., с. 101.

³⁴ Егорова И.Н. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения. — М., 1967, с. 78.

фразеологической) сфере знаков.

А. Мартине отметил, что содержание в языке — это цель, а выражение — средство³⁵. Цель может быть достигнута разными средствами, но для языка как орудия общения в условиях, когда выбор средств определяется самим языком, формула «для достижения цели все средства хороши» не получает отрицательного смысла, а, напротив, это абсолютная неизбежность. Группы производных слов с одинаковым значением, как правило, находятся в окружении сочетаний слов с этим же деривационным значением, и такие сочетания не имеют своего однословного коррелята. Образованию производного слова могут препятствовать морфонологические, словообразовательные и семантические причины³⁶.

Рассмотрим данное положение на примере номинации действий и признаков. Так, в русском языке выделяется однословная модель с очень прозрачной структурой конденсируемых компонентов типа *обессилить*, *обезоружить*, *обескровить* и т. д. Она живо реагирует на возможность ее заполнения «нетипичными» корневыми морфемами (*обесквартирить*, *обезработить*...). Однако они все же очень слабо фиксируются как воспроизводимые лексические единицы, и их реальная встречаемость в речи приближается к нулю. Напротив, их коммуникативные эквиваленты — сочетания (*лишить квартиры*, *лишить работы*) являются основным средством номинации данных действий. Наконец, подавляющая масса отыменных основ практически не в состоянии включиться в однословную глагольную структуру в данном значении, и тогда сочетание становится его единственным, наиболее экономным означающим. Оживления модели, которая уже подавлена нормой стандартного употребления, не будет и в индивидуальной экспрессивной речи, так как здесь самым языком воздвигнут прочный морфонологический или семантический

барьер. Ср. сочетания порядка *лишить щетки (ножа, руки, сердца)* и предполагаемые их однословные конденсаты.

Еще большую сопротивляемость однословной конденсации оказывает непреходный коррелят данных глаголов. Ср.: *обессилить* и *обессилеть*, но только *обезоружить* и *обесчестить* при отсутствии воспроизводимых слов «обезоружеть», «обесчестеть» и т. д.

Эти же в целом причины ограничивают способность выражения в цельнооформленном слове и других типов производных значений. Так, в частности, словообразовательно закрытой является весьма регулярная в русском языке модель глаголов, обозначающих действие по профессии. Ср.: *столярничать* и *работать столяром*, *учительствовать* и *работать учителем*, но только *работать крановщиком*, *работать педагогом* и т. д.

Известную аналогию мы найдем и при первом же ознакомлении с возможностями выражения посредством слова пассивного (непроцессуального) признака, что фиксируется наличием или отсутствием соответствующего прилагательного. Отсюда, с одной стороны, мы имеем коммуникативно соотносительные сочетания порядка *плотницкая работа* и *работа плотника*, с другой — только несоотносительные сочетания с неморфологизованным определением — *работа крановщика*.

Следовательно, наименования предметов (явлений), их действий и признаков, которые привычно представляются нам принадлежностью слова, могут быть выражены и неоднословными означающими. Имеются такие группы соответствующих производному слову значений, которые от многих основ способны быть переданы только сочетаниями слов. Как означаемые эти сочетания характеризуются лексическими и классифицирующими значениями полных частей речи, но, естественно, в пределах частей речи не рассматриваются, потому что как означающие не совпадают с отдельным словом.

---

³⁵ Мартине А. О книге «Основы лингвистической теории» Л.Ельмслева. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1960, вып. 1.

³⁶ Хидекель С.С. Семантическое взаимодействие производных слов с единицами номинации других уровней.— Сб. науч. трудов.— М., 1980, с. 123.

Так как в языке реально представлены и неоднословные номинации, то части речи фактически лежат в основе более обширных группировок номинаций — номинативных классов. В номинативный класс входят слова данной части речи и совпадающие в этом значении номинативные единицы другой структуры, в частности деривационные сочетания (см. ниже), которые являются или синонимами отдельных слов, или единственным средством обозначения идентичных им понятий.

Так как любое сочетание способно выступить в функции

номинации, то границы номинативного класса могут на первый взгляд представляться весьма неопределенными. Поэтому как возможный объект конкретного описания они должны выделяться в наиболее жестких рамках, с учетом ряда ограничений. На одно из них было указано — это признак эксплицитности по отношению к словному соответствию. Второе — это деривационная функция по отношению к мотивирующей основе, что явится важным критерием при отсутствии словных соответствий (ср.: *синий* — *синеет*, *становится синим*; *знать* — *знаток*, *{тот} кто знает*; но только: *становится фиолетовым*, *{тот} кто понимает*). «Освоенность» суффиксацией данных глагольных и субстантивных значений включает в соответствующие номинативные классы и такие сочетания, которые не имеют суффиксных соответствий. Из этого следует, что те группы разнообразных сочетаний слов, модели которых недоступны словообразовательной конденсации (например, *пишет письмо*, *мой сын* и т. п.), свободно выделяют в своем составе самостоятельные номинации, которые распределяются по разным частям речи по соответствующим им номинативным классам. Это третье, весьма существенное ограничение, уточняющее границы номинативного класса.

Важным элементом единицы номинативного класса является свойственное ей номинативное значение, которое обычно рассматривается в пределах слова. Из всего многообразия слов и их соответствий номинативным значением обладают нарицательные имена, неизменным элементом каждого из которых является значение части речи (существительного, прилагательного, глагола и наречия)³⁷.

В отношении к номинативному классу это понятие также нуждается в уточнении. Номинативное значение — это лексическое значение, в котором непременно присутствует как обязательный элемент целостное значение части речи и ее подкласса³⁸. Не только «словообразовательные формы» порядка *синий*, *синеть*, *синева* входят в одну лексему (М. В. Панов и др.), но и такие, как *становиться синим*; вместе с тем они являются разными номинативными единицами, различаясь значениями частей речи.

Значение части речи может быть интерпретировано и как общедеривационное значение, поскольку распределение по частям речи осуществляется в целуноформленных единицах средствами словообразования и всегда является или источником, или результатом деривации производных значений.

Пары слов порядка *синий* — *синеть*, *синий* — *синева* находятся именно в таком отношении (источник — результат, производящее — производное), и различие в каждой из них является общедеривационным, так как это такое различие по частям речи, которое не затрагивает тождества корневой морфемы. Не только глагол *синеть*, но и сочетание *становиться синим*, как его эквивалент, выступает синхронически как производное по отношению к прилагательному *синий*. Это важно учитывать потому, что в других случаях сочетание окажется единственным производным в данном значении, например, *становиться темно-синим*³⁹. Таким образом, номинативное значение возникает как

³⁷ Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. — М., 1968, с. 72–73.

³⁸ Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова. — В кн.: Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977.

³⁹ Копыленко М.М. Актуальные проблемы общей фразеологии. — В кн.: Зарубежное языкознание и литература. Алма-Ата, 1972, с. 6.

единство лексического, словообразовательного и общедеривационного (частеречного) значений. Только словообразовательное истолкование производной номинации является недостаточным, так как оно ориентируется лишь на слово, не учитывает номинаций более сложной структуры и обходит молчанием коммуникативное предназначение номинативной единицы.

В существующей традиции только слово характеризуется как единица, обладающая значением части речи. Если полнозначное слово наряду с соответствующими парадигматическими значениями выражает предметность, мы его относим к существительному, если оно выразит, например, непроцессуальный признак, мы его относим к прилагательному и т. д.

Здесь нет необходимости доказывать оправданность принятой классификации по частям речи, по крайней мере, в пределах четырех классов — существительного, прилагательного, глагола, наречия⁴⁰. Выделение данных классов признается не только вполне обоснованным, но и совершенно необходимым при изучении как морфологии, так и синтаксиса предложения.

В своей общесемантической, или общеграмматической (у О. П. Суника), интерпретации (предметность, непроцессуальный признак, процессуальный признак, признак признака) значение части речи, как и совмещенные с ним частные значения подклассов,— важнейший элемент номинации независимо от того, совпадает она с отдельным словом или является чем-то большим, чем отдельное слово⁴¹. Поэтому понятие части речи оказывается исключительно важным для описания номинативной системы языка⁴². Однако части речи как лексико-грамматические разряды слов, результат классификации ядра номинативной системы языка, входят в номинативные классы — лексико-грамматические разряды номинативных единиц разной структуры.

1.4. Номинативное членение и функциональная ономазиология

Исходя из того, что основной номинативной единицей является слово, лингвисты, исследуя синонимику, сосредоточивали свое внимание прежде всего на лексике и фразеологии. Признак «взаимозамещения» с сохранением общего смысла приписывался синонимическим рядам главным образом однословных единиц. Провозгласив подчиненность средств выражения коммуникативной функции, прагматики также связывали процесс лексической номинации в основном с понятием слова⁴³. Между тем членение текста, для которого главным является не фактор слова, а фактор значения, равного названию, приводит к выделению номинативных единиц разной структуры, так как процесс номинации — это «прежде всего лингвистическая техника»⁴⁴.

Любое высказывание обнаруживает не только синтаксическое, но и номинативное, ономазиологическое членение, не обязательно соответствующее членению на отдельные слова.

Номинативное членение (на номинативные единицы) не совпадает с синтаксическим. Член предложения, как единица функционального (синтаксического) класса, может состоять из нескольких полнозначных или замещающих их слов, например, *брат с сестрой, он и она* и т. д.⁴⁵. В данном случае член предложения «не накладывается» на

⁴⁰ Уфимцева А.А. Семантика слова. — Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 36.

⁴¹ Суник О.П. Общая теория частей речи. — М., 1966.

⁴² Супрун А.Е. Части речи в русском языке. — М., 1971.

⁴³ Тезисы Пражского лингвистического кружка. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 17.

⁴⁴ Серебренников Б.А. Номинация и проблема выбора. — В кн.: Языковая номинация: Общие вопросы, с.158-159.

⁴⁵ Гак В.Г. Десемантизация языкового знака в аналитических конструкциях. — В

отдельное слово, соотнесенное с собственным денотатом, и выходит за границы отдельной номинативной единицы. С другой стороны, синтаксическое членение не учитывает того, что существуют такие сочетания и более сложные отрезки слов, которые являются лишь способом представления целостной номинации (ср.: *тем, кто любит (кино) — любителям (кино)* и др.).

Номинативное членение отличается и от такого синтаксического членения, которое выделяет синтаксические единицы как «докоммуникативные ступени» предложения, его структурно-смысловые компоненты. С этих позиций признается, что даже целое предложение может замещать слово (форму слова) в другом предложении⁴⁶. Приводятся, в частности, такие примеры: *Блажен, кто верует* (А. Грибоедов); *Кого люблю, не дождусь* (Русская песня). Однако первое предложение объединяется с таким, как: *Сани здесь — подобной дряни не видал я на веку* (П. Вяземский) (в обоих случаях выделенная часть «служит одним из предикативных центров» всего предложения), а второе — с таким, как *Варенька поет ему «Вьют витры»* (А. Чехов) (здесь выделенная часть в обоих случаях выступает как «восполнитель» определенного слова неполной, «релятивной семантики»)⁴⁷. Соответствия данных отрезков словам поясняются однословными эквивалентами: *блажен верующий; сани дрянные; не дождусь любимого; поет песню*.

С позиций номинативного членения сочетание *кто верует* и *кого люблю* одинаково являются целостными, хотя и расчлененными (расширенными) номинациями, результат конденсации (сужения) которых представлен эксплицитно субстантивами *верующий, любимого*. С другой стороны, им равно противопоставлены отрезки, которые не имеют отношения к словообразовательной системе и номинативной деривации в целом, они состоят в значительной части из самостоятельных номем и лишь имплицитно, в жестких рамках контекста соотнесены с отдельными словами. Супплетивная связь между «*Вьют витры*» и *песня* является не деривационной, а семиотической.

Ономасиологический аспект членения текста чрезвычайно важен: он требует, во-первых, объяснить отношение неоднословных номинаций к подклассам производных цельнооформленных слов, в которые они входят классификационно, и, во-вторых, показать их место в деривационной системе данной части речи и соответствующего номинативного класса.

В совершенно иной плоскости находится актуальное членение предложения, которое по своей природе не допускает даже относительного параллелизма, существующего между членами предложения и частями речи.

Обычно лишь полнозначное слово или отождествляемое с ним единство — фразеологизм рассматриваются не только в синтаксическом, но и в номинативном аспектах. Номинативные единицы более сложной структуры, чем отдельное слово, рассматриваются в синтаксическом аспекте. Получается, что мы учитываем лишь словную модель означающего и не считаемся с тем, что эта модель не в состоянии осуществить все требуемые номинации и что есть другие модели и существует процесс номинации.

Номинация как процесс — это создание не только слова, но и коммуникативного заместителя слова во всех тех случаях, когда слово не может быть создано или когда оно не вполне удовлетворяет цели высказывания. Когда нет готового слова и оно по морфонологическим или другим причинам, например в силу консерватизма нормы, не может быть создано, более сложная, чем отдельное слово, номинативная единица становится единственным средством выражения требуемого понятия. Но и реально существующему, воспроизводимому слову может быть также предпочтено иеоднословное означающее. Более сложный, чем слово, его номинативный эквивалент обычно обладает

кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.-Л., 1965, с. 132.

⁴⁶ Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса. — М., 2003, с.9.

⁴⁷ Там же. С.11.

большими дифференцирующими возможностями и поэтому может актуализировать те элементы номинации, которые стираются в самом слове.

Осуществление языковым знаком своей номинативной функции, которое возникает как результат «снятия ситуационного ограничения», «выделения повторяющихся элементов»⁴⁸, не следует понимать как некий односторонний процесс «номинализации»⁴⁹. В синхронии языка отношение между словосочетанием и словом является взаимнообратимым. Сочетание слов *тот, кто учится в школе* не вытесняется его однословным коррелятом *школьник*, а находится с ним в живой, динамической связи. Именно благодаря этому «языковые единицы образуют содержательные элементы вербальной коммуникации»⁵⁰.

Нужно исходить из того, что коммуникативная деятельность определяет отбор не только готовых единиц номинации, но и способов и средств постоянно производимых номинаций. При этом очевидно, что основное место в рядах равнозначных номинативных средств занимают эксплицитно связанные между собой единицы. Именно они должны быть в первую очередь положены в основу функциональной ономазиологии, на предмет которой в общей форме указывает Матезиус⁵¹.

Исследование любой стороны языка должно опираться на его знаковую организацию. С этой точки зрения более существенно объяснить, например, отношение слова *смельчак* к сочетаниям *смелый человек*, (*тот*) *кто смел*, чем к слову же *храбрец*. Отказавшись от гипноза слова как единственной формы номинации и исходя из знакового родства равнозначных номинаций, мы получаем возможность исследовать номинативную системность. Такой подход является важной предпосылкой для выделения функциональной ономазиологии как объекта исследования и делает ее такой же реальностью, как функциональный синтаксис.

Номинативная эквивалентность вовсе не предполагает формального сходства означающих, средств выражения тождественных или сходных значений: для нее это сходство несущественно. Как морфология для синтаксиса, так и словообразование для ономазиологии фиксирует лишь основные, словные формы их означающих.

Проблематика ономазиологии привлекает все большее внимание лингвистов. В последних работах ставятся вопросы, касающиеся самой природы номинации, проводится анализ формальных средств, отличающих номинацию от предикации⁵². Нельзя не отметить то внимание, которое привлекают неоднословные номинации, «блоки», различные приемы создания номинаций при характеристике специфических черт разговорной речи⁵³.

В основе ономазиологии находится признание того, что «прямое языковое» выражение понятия — это не слово, а номинация (наименование)⁵⁴, которое может быть представлено означаемым разной структуры⁵⁵. Можно согласиться, что конкретное выражение ономазиология получает в процессе номинации, которая заключается «в установлении связи звуковой оболочки возникающей лексической единицы с предметом, явлением и т. п. объективной действительности»⁵⁶. Вызывает лишь удивление мысль, что «в ономазиологии иссле-

⁴⁸ Мартынов В.В. Семиотические основы информатики. — Минск, 1974, с. 50.

⁴⁹ Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. — М., 1976, с. 70-80.

⁵⁰ Колшанский Г.В. Лингвогносеологические вопросы языковой номинации. — В кн.: Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977, с. 101.

⁵¹ Матезиус В. О системном грамматическом анализе.— В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 228-229.

⁵² Языковая номинация: Общие вопросы, с. 13.

⁵³ Земская Е.А. Русская разговорная речь. — М., 1968.

⁵⁴ Докулил М. Лингвистический словарь Пражской школы.— М., 1964, с. 203.

⁵⁵ Языковая номинация: Общие вопросы, с. 56-71.

⁵⁶ Торопцев И.С. Предмет, задачи, материал и методы ономазиологии.— Проблемы

дуются механизм порождения новых лексических единиц, вхождение которых в язык невозможно». Чтобы придать конкретное и подлинно лингвистическое содержание понятию ономазиологии, стоит только увидеть, что в языке существуют активные процессы «объективации» всей номинативной системы, которые продолжают и расширяют функции словообразования.

Функциональная ономазиология придет к конкретным и системным результатам своих исследований, когда она встанет на тот же путь, по которому идет функциональный синтаксис. Общетеоретические и общехарактеризующие виды номинаций работы для дальнейшего развития этого раздела языкознания являются лишь определенным введением. В будущих исследованиях по функциональной ономазиологии важнейшие позиции займут такие вопросы, как объяснение отношений между словесными и более сложными знаками, являющимися эксплицитными эквивалентами слова; идентификация и инвентаризация таких неоднословных знаков, которые являются наиболее экономными заместителями возможного, но реально отсутствующего слова. Функциональная ономазиология станет конкретным и важным предметом лингвистической науки, когда начнется всеобщее описание корреляций производных слов — результата словообразования — с производными номинациями — результатом синтаксического и аналитического способов номинативной деривации. Важной предпосылкой такой работы являются лингвистические, а не только общеполитические и логические дефиниции самого понятия номинативной единицы, а также систематика номинативных единиц разной структуры.

Если цельнооформленное слово с требуемым производным значением не возникло или возникает лишь как окказиональная единица в речевом процессе, не получая статуса воспроизводимости, мы вправе говорить о словообразовательной недостаточности в системе данного языка. Но это не номинативная недостаточность, так как выражение требуемого содержания все равно осуществляется, хотя и другими средствами⁵⁷.

Так, производные существительные, обозначающие лицо, не отражают всей системы соответствующих означаемых — номинаций лица. По данным словаря Г. Бильфельдта, в русском языке имеется более 3000 личных существительных (по данным словаря Д. Н. Ушакова, их около 5000), но это совсем не означает, что русский язык способен оперировать только данными производными номинациями лица. Многочисленные основы вообще не могут выразить свое производное значение посредством создания специального цельнооформленного слова, в данном случае личного существительного. А это требуемое значение непременно выражается, и что существенно, модельно организованными знаками (см. ниже), которые компенсируют отсутствие требуемого слова.

С точки зрения функциональной ономазиологии важны не только лексические (или стилистические), но и грамматические, в частности синтаксические, особенности номинативной единицы. В рядах типа *смелчак, смелый, смелый человек, (тот) кто смел*, различия (нетождества) между единицами как раз прежде всего касаются грамматических значений, так как вызваны различием способов представления одного и того же мотивирующего понятия в требуемом производном значении. Поэтому слово *смелый* и тем более сочетание *кто смел* при обозначении лица являются совсем не такими синонимами слова *смелчак*, как его лексический синоним *храбрец*. Выступая в значении личного субстантива в формах степеней сравнения прилагательного (*самый смелый*) или актуализируя значения времени (*кто будет смел*), они уже не являются синонимами слова *смелчак*. Следовательно, функциональная ономазиология включает в себя лексическую синонимику, однако, имея своим предметом единицы разных уровней, выходит далеко за ее пределы.

ономазиологии. Орел, 1974, с. 6, 8.

⁵⁷ Булыгина Т.В. Пражская лингвистическая школа. — В кн.: Основные направления структурализма. М., 1964.

1.5. Номера как единица значения и выражения. Формула номинативной единицы

Слово как номинативная единица — номера не является ни самым простым, ни самым сложным языковым знаком. Но именно слово явилось отправной точкой лингвистического анализа, независимо от того, работаем мы в области фонологии, синтаксиса или семантики. Это объясняется рядом существенных признаков слова как номеры. Главный из них состоит в том, что слово — это уже в известной мере коммуникативная единица. Являясь названием, оно качественно отличается от «нижестоящей» единицы — морфемы своей коммуникативной направленностью, готовностью стать высказыванием.

Сложный комплекс проблематики, связанной с понятием слова, отсутствие однозначного определения слова не помещали тому, что именно слово было «инстинктивно» найдено как «нечто, имеющее кардинальное значение для всесторонней общей характеристики языка»⁵⁸.

Однако столь высокий сан слова не дает оснований для того, чтобы пользоваться им как единственным инструментом в исследовании номинативной системы языка. Напротив, очень важно выяснить, какую роль играют другие, эквивалентные слову по своей ономазиологической сущности, но отличные от него по своему строению единицы и каковы их взаимоотношения в реальном речевом процессе. Для этого необходимо объяснить ономазиологическую специфику слова и его место в ряду других единиц.

Как основная номинативная единица и исходная по отношению к функционально соотносенным с ней номинативным единицам иной структуры полнозначное производное слово обладает достаточно определенными признаками. Чтобы более объективно определить и охарактеризовать их, рассмотрим слово в отношении к другим единицам членения в плане выражения (материальное членение) и в плане содержания (содержательное членение)⁵⁹.

Поскольку перед нами не стоит специальной задачи членения предложения и интересующие нас единицы уже выделены, для удобства рассмотрим их в обратном порядке — по степени нарастания сложности — и остановимся лишь на существенных для нас моментах.

В плане выражения обычно выделяются: звук, слог, фоновое слово, фоновосочетание (речевой такт, синтагма), фраза, хотя терминология данных единиц весьма не упорядочена. Они могут быть выделены безотносительно к содержанию, как материальные отрезки, каждый из которых обладает некоторыми объективными, фонетическими (в широком смысле) пограничными сигналами⁶⁰.

Это членение в плане выражения является отчасти неизбежным следствием самой биологии артикуляционного аппарата человека. Трудно себе представить говорящее существо, которое бы «одним выдохом» произносило фразу как простую арифметическую сумму звуков. Человек этого сделать не в состоянии, но данный биологический «недостаток» является величайшим благом, так как выделение между фразой и звуком промежуточных единиц разной сложности и создает дифференцирующие возможности языка.

В общей форме эти преимущества естественного языка можно сравнить с появлением в речевом потоке, кроме знака «+», других знаков, указывающих на иные связи между

⁵⁸ Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1963, вып. 3., с. 64.

⁵⁹ Мартине А. Основы общей лингвистики. — В кн.: Новое в лингвистике. М., вып. 3, с. 375–381.

⁶⁰ Панов М.В. Русская фонетика. — М., 1967, с. 169.

звуками, чем связь сложения, а также на наличие в пределах фразы различных «скобок» (простых, квадратных, фигурных), которые путем разной сложности пауз и интонации отражают иерархию соподчинения составляющих ее единиц. Таким образом, членение фразы в плане выражения, в известных границах predetermined уже самой материальной природой языка, служит цели, ради которой язык существует, и организует ту систему языковых знаков, без которых языка не могло бы быть.

Отсюда уже предполагается возможная соотносительность материального и содержательного членения. Можно подумать, что каждая материальная единица, будь то слог, фонослово или фраза, должно бы соответствовать не любой, а какой-то определенной единице значения. И естественно, казалось бы, ожидать, что усложнение их структуры вызывает усложнение их знаковой функции, их значения. Тогда если бы звук всегда получал «значение» фонемы, то слог — значение морфемы, фонослово — значение лексемы (слова) и т. п. В этом случае мы имели бы строго однозначное соответствие между единицами выражения и содержания.

Но этого соответствия на самом деле нет. Если даже считать фонему элементарной единицей содержательного членения, как это сделали здесь мы, признав вслед за другими смысловозначительную ее функцию в звуковом контексте ⁶¹, то совершенно очевидно несоответствие границ звука и фонемы. Не каждый звук является фонемой, а в определенном понимании фонеме может соответствовать несколько звуков ⁶². Таким образом, из отношения элементарных единиц членения «звук — фонема» следует, что в данном случае типовая единица «содержания» не накладывается механически на типовую единицу выражения.

Это положение утрачивает свою условность при сравнении последующих по своей сложности единиц. Такими единицами будут соответственно слог как единица выражения и морфема как единица содержания.

Слог — это более сложная, чем отдельный звук, и, как известно, основная единица материального членения, так как он, будучи минимальным объединением звуков или даже отдельным звуком, обладает «сигналом» нисходящей/восходящей звучности или другим фонетическим качеством (назовем его условно слогапаузой), которым не обладает звук в составе слога.

Морфема — это более сложная и качественно иная по сравнению с фонемой единица содержательного членения, так как имеет значение. Если различительная функция фонемы вне звукового окружения равна нулю, а значит и ее отнесение к плану содержания отчасти условно, то морфема уже сама по себе значима и лишь уточняет свое значение в контексте других морфем. Морфема — это уже «двусторонний» языковой знак. Следовательно, морфема в отличие от слога — значимое минимальное объединение фонем ⁶³. Понятно, что только благодаря этому последнему качеству — значимости — морфемой может стать и отдельная фонема и даже «нуль» фонемы (нулевая морфема).

Являясь последующей за отдельным звуком единицей материальной организации речевого отрезка, слог, надо полагать, должен был бы оказаться идеальной формой материализации значения морфемы, поскольку значение морфемы, как минимальной значимой единицы, требует обычно минимального набора — сложения (+) различительных элементов — фонем. И, кроме того, логически следовало бы: за исходным, элементарным соответствием «звук — фонема» последующей ступенькой будет «слог — морфема».

Однако на самом деле границы слога далеко не всегда оказываются и границами означаемого морфемы. Означаемое морфемы как бы вращается вокруг слога. В среднем

---

⁶¹ Панов М.В. Русская фонетика, с.4 и др.

⁶² Трубецкой Н.С. Основы фонологии. — М., 1962, с.62.

⁶³ Термин «фонема» предпочитается термину «звук» в соответствии с принятым их различием как единиц содержательного и материального членения.

число слогов и морфем во многих отрезках с развитой структурой может почти совпадать. Но главное в том, что сами границы морфем и слогов, как правило, не совпадают. В лучшем случае совпадение членения по слогам и морфемам в русском языке можно связывать с этимологией собственно корневых морфем и предлогов, приставок, на стыке которых оно наиболее вероятно. Например, в отрезках типа *престол, престольный; закат, закаты* (*ся*) и т. п. граница слога между приставкой и корнем оказывается весьма устойчивой.

Материальная, независимая от содержательного членения основа слога деления полностью проявляет себя, однако, в большинстве других случаев, особенно на стыках корня с суффиксом и окончанием. Фонетическое изменение словоформы, как результат склонения или спряжения, приводит к соответствующей перестройке слога деления при сохранении, что само собой разумеется, морфемного деления. Ср., например, *сад* [сат], *сад-а* [са-дъ], *сад-о-вод* [съ-дд-вот], *сад-О-вод-а* [съ-д а -во-дъ] и т. д.

Таким образом, морфема не связывает себя со слогом как наиболее вероятной в этой функции единицей материального членения⁶⁴. Значение морфемы может получить как сочетание фонем, частично не совпадающее со слогом, так и сочетание фонем, совпадающее со служебным словом, или отдельная фонема. Следовательно, означаемое морфемы (как тип лингвистически элементарного означаемого) не имеет определенной модели означаемого. Это приближает нас к доказательству, что и более сложный тип означаемого также не имеет определенной модели означаемого.

Пока мы говорим об очевидных фактах, которые не создают трудностей для лингвистического анализа. Эти факты, однако, совершенно необходимы, чтобы лучше раскрыть механизм связи более сложных, чем означаемое морфемы, классов означаемых с соответствующими классами означаемых. Остановимся на некоторых общих особенностях значения морфемы и значения полнозначного слова, как постепенно усложняющихся единиц содержательного членения текста.

Если «значение» фонемы мы могли бы вообще не принимать во внимание, так как оно не существует как отдельная данность, то значение морфемы в его инвариантных границах существует и независимо, так сказать, «словарно».

В основе понятия морфемы лежит ее значение, поскольку границы означаемого морфемы неопределенны. Морфом, т. е. конкретным «линейным» означаемым морфемы, могут быть разные единицы материального членения, а если морфема выражена сочетанием звуков, не совпадающих ни со слогом, ни со словом (служебным), или «нулем» звука, мы наблюдаем случай, когда она «не накладывается» ни на одну из единиц материального членения.

Итак, когда мы говорим о морфеме, для нас оказывается существенной природа означаемого, а не означаемого. Этим принципом (поскольку он отражает самую суть явления) следует руководствоваться и при анализе других единиц содержательного членения. Мы соглашались, например, что такое относительно сложное означаемое, которое заключает в себе предикативность, т. е. означаемое предложения, способно «поместиться» в отдельном слове.

Совершенно очевидно, что выделение типовых единиц значения, познание их природы при определенных задачах должны быть независимыми от описания способов их выражения. Это объясняется тем, что единицы содержательного членения, используя дифференцирующие возможности членения материального, не находятся с ним в отношении однозначности. Но если такая простейшая единица значения, как морфема, или относительно сложная — предложение рассматриваются и в отвлечении от способов их выражения, то вопрос о промежуточных между ними единицах решается значительно сложнее.

---

⁶⁴ Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. — М., 1969, с.65–66.

Когда мы выделяем последующую за морфемой единицу, мы неизбежно сталкиваемся с понятием слова. Но полнозначное слово — это не только единица содержательного членения, это и основная единица материального членения текста. Между единицами обоих планов членения здесь удивительная гармония. Это находит вполне убедительное объяснение с точки зрения общих особенностей человеческого мышления. Конструируя мысль, человек оперирует относительно стабильными понятиями. Отдельность понятий как исходного материала мыслительной и коммуникативной деятельности человека естественно стремится и к отдельности их номинации. Слово явилось господствующей формой языкового существования понятий⁶⁵. Таким образом, слово является самой впечатляющей данностью языка, которая в отличие хотя бы от морфемы выделяется даже независимо от специального лингвистического анализа⁶⁶.

Теперь логично возникает вопрос, какова содержательная структура единицы, способной осуществить номинацию понятия, какова структура означаемого, идеальным означаемым для которого явилось полнозначное слово. Важно выделить типовые компоненты означаемого этой единицы, найти ее общую формулу, поскольку на примере выделения других единиц можно убедиться, что существенна именно структура означаемого.

Означаемое корневой морфемы обладает номинативной недостаточностью, так как лишь указывает на понятие, не классифицируя его как предмет, признак и т. д. Непроизводные корневые морфемы (*жи-знь, бы-ть*) вне соседства со служебными морфемами могут не нести и минимальной информации. Если обычные словари в любом случае представляют собой инвентаризацию основных номинативных средств конкретного языка и служат прикладным целям, то «словари» морфем служат чисто лингвистическим целям.

Способностью назвать понятие, **номинативной достаточностью** обладает полнозначное слово. Если корневая морфема лишь указывает на понятие, а любая некорневая морфема обладает только классифицирующим (словообразовательным или реляционным) значением, то слово заключает в себе непременно и то и другое. Слово потому и способно быть названием, что оно, выражая значение, заключенное в корневой морфеме, вместе с тем распределяет его по категориям предметности, процессуального и непроцессуального признака и т. д. Только благодаря объединению с другой, классифицирующей морфемой (морфемами) корневая морфема становится элементом коммуникации, т. е. только в составе не менее чем простейшего полнозначного слова, относительно самостоятельного и независимого названия чего-то.

Это не противоречит уже общепризнанному тезису, суть которого состоит в том, что смысловая законченность слова так же релятивна, как смысловая законченность морфемы. Однозначность слова, как и, тем более, корневой морфемы, возникает в окружении других знаков⁶⁷. Но в отличие от морфемы полнозначное слово не только релятивно, оно заключает в себе, воспроизводит как наиболее типизированное основное номинативное значение, что подтверждается одинаковым пониманием слова, взятого вне контекста, говорящим и слушающим. Конечно, здесь всегда как бы невидимо присутствует и наиболее типизированный контекст. Но полнозначное слово, как и номинативная единица вообще, является важнейшим инструментом обобщенного отражения действительности, и в этом оно всегда объективно.

Таким образом, существуют морфемы и объединения морфем. Только объединение корневой и некорневой морфем может быть названием, а следовательно, способно стать

---

⁶⁵ Ломтев Т.П. Метод бинарности семантического анализа в логике и лингвистике. — В кн.: Проблема значения в логике и лингвистике. М., 1963.

⁶⁶ Шарль Балли. Французская стилистика. — М., 1961, с.19.

⁶⁷ Телия В.Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости. — В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 252-254.

средством общения — единицей коммуникации. Если морфема — качественно новая единица по сравнению с фонемой, потому что имеет значение, то объединение корневой и некорневых (классифицирующих) морфем — качественно новая единица по сравнению с отдельной морфемой, потому что способно выступить в номинативной и коммуникативной функциях. Обладая данными функциями, объединение корневой и классифицирующих морфем тем самым становится новой единицей содержательного членения — номинативной единицей. Но если морфема может быть рассмотрена независимо от слога, то и номинативную единицу следует также рассматривать независимо от фонослова. Фонослово, представляя собой объединение корневой и классифицирующей морфем, типично включает в себе номинативное значение. Но из этого не следует, что способом выражения данного значения непременно является фонослово.

Разница между номинативной единицей и морфемой, как со стороны самой сущности знака, так и тем более со стороны коммуникативной функции знака, является принципиальной⁶⁸.

Каждый компонент бинорма, каким является номинация, не обязательно совпадает с отдельной морфемой. Каким бы сложным по своей морфемной структуре полнозначное слово ни было (пусть это даже будет сложное слово), основное (первое) содержательное членение его самого всегда дает две части, две непосредственно составляющих, одна из которых указывает на семантическое, «понятийное» содержание, а другая классифицирует его как часть речи, сообщает ему номинативную достаточность⁶⁹.

Чтобы не отклониться от основной задачи, не будем вдаваться в подробности многообразия материальной и содержательной структуры полнозначных слов⁷⁰. Важно увидеть, где находится минимальный порог, переходя который корневая морфема (морфемы) получает новое качество, становится минимальной номинативной единицей. Это качество возникает в структуре более сложной, чем одна морфема, в единстве двух составляющих (С) — семантической (СС) и классифицирующей (КС)⁷¹. Единство СС и КС в его отвлечении от конкретной реализации представляет собой некую общую формулу означаемого номинативной единицы — номемы.

В основе номемы лежит «логико-языковой субстрат», который выделяет ее из других типов означаемых⁷². Различие номемы и корневой морфемы как единиц содержательного членения, т. е. как классов означаемого, состоит в том, что номема представляет собой бинорм — синтагму означаемых из двух составляющих, одна из которых включает в себе некое семантическое значение, другая классифицирует его как часть речи. Морфема же не является синтагмой означаемых. Попытка расчлнить ее уничтожает значение. Номема — единица более сложной и качественно иной структуры по сравнению с морфемой. Это непосредственно следующая за морфемой ступенька содержательного членения, означающим для которой обычно становится фонослово. Разные типы морфем, корневых и классифицирующих, — лишь обязательные детали для реализации номемы в словном означаемом. Корневая морфема как ядро номемы не может заменить самой номемы, так как номемой может быть только синтагма морфем. Слово *дом* — синтагма морфемы *дом-* и классифицирующей *0*, которая обнаружит себя в формах косвенных падежей.

Формула номемы — СС + КС отражает структуру обозначения понятий о предметах, явлениях, их признаках и действиях, т. е. структуру означаемого, которое обычно присут-

⁶⁸ Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики: АДД.- М., 1969., с.6.

⁶⁹ Принцип двучленности структуры полнозначного слова был сформулирован Г.О. Винокуром.

⁷⁰ Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. — М., 1977, с. 25-29.

⁷¹ Так как взаимносовмещенные значения есть одно значение, то в данном случае словообразовательные и реляционные значения целесообразно рассматривать как одну КС.

⁷² Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений : АДД. — М., 1971, с.10.

ствуется в любом полнозначном слове.

Необходимость термина «формула» в отношении к понятию «номинативная единица» столь же очевидна, сколь очевидна она в отношении к понятию «предложение»⁷³. Как общая формула предложения лежит в основе любого конкретного предложения, так и общая формула номемы лежит в основе любой номинативной единицы.

Формула отражает специфику содержательной структуры означаемого, указывает на наиболее существенный его компонент, который сообщает ему качество именно данного, а не какого-то другого типа единиц. Для любого простого предложения таким компонентом явится предикативность, для любой номинативной единицы — номинативная достаточность, номинативность. Оба эти компонента сообщают ту законченность знаку или некоей совокупности их, которая в одном случае дает высказывание (о чем-то)⁷⁴, а в другом — название (чего-то)⁷⁵.

Именно в зависимости от того, каков характер структуры означаемого, какова его формула, один и тот же материальный знак может оказаться причастным к каждой из данных единиц⁷⁶. Так, знак «дом» может быть морфемой, номемой, но может быть и предложением. Как морфема — это элементарное означаемое, нечленимое на значимые части. Как номема он является синтагмой означаемых — корневой морфемы и классифицирующей (нулевое окончание), в которой конкретно реализуется номинативная достаточность, т. е. является словом. Как предложение он представляет уже собой синтагму, вторым членом которой является значение времени-модальности — конкретная реализация предикативности. Но это различие функций знака «дом» связывается с соответствующим различием их формул.

Различие формул типов означаемых выражается синтагматически реальной структурой их означающих: 1) морфема: *дом-*; 2) номема: *дом + предм.*; 3) предложение: (*дом + + предм.*) + предикативность (наст. вр., индикатив). Морфема *дом-* — элементарная, нечленимая на более простые компоненты единица; не обладает номинативной достаточностью (не способна быть названием); несинтагма. Номема *дом* — членимая на два компонента, второй из которых (КС) сообщает морфеме *дом-* номинативную достаточность (значение предметности) и делает ее словом⁷⁷, названием; синтагма несинтагм (т. е. морфем). Предложение *Дом* — предикативная единица, основное (первое) членение которой даст два компонента, но первый из них — слово — уже в простейшем случае (рассматриваемом здесь) также членим, являясь синтагмой на номинативном уровне. Для предложения как типа означаемого существен, однако, второй компонент его первого членения — предикативная составляющая, которая и сообщает единице, обладающей номинативной достаточностью, т. е. слову *дом*, «достаточность» высказывания; синтагма синтагм.

Мы сознательно указываем на отношение одного и того же знака к разным типам означаемых, чтобы нагляднее раскрыть между ними качественное различие. Хотя соотношенность одного знака со столь кардинально различающимися типами означаемых, особенно с предложением, не доминирует в языке, она указывает на обязательность их общих формул, которые будут обнаружены и в более стандартных моделях

⁷³ Арутюнова Н.Д. Вариации на тему предложения. — В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969, с.39, 42.

⁷⁴ Грамматика современного русского литературного языка. — М., 1970, с. 541-542.

⁷⁵ Шмелев Д.Н. Современный русский язык. — М., 1977, с. 3.

⁷⁶ Звегинцев В.А. История языкознания 19-20 веков в очерках и извлечениях. — М., 1965, с.90.

⁷⁷ Поэтому термин «слово-морфема» или «одноморфемное слово» весьма неудачен по отношению к полнозначным словам, которые внешне совпадают с одной морфемой. Они всегда бинарны.

соответствующих единиц. Любое полнозначное слово сохраняет бинарность семантической структуры, которая выступает как цельноформленное единство СС и КС. Это несколько не препятствует учитывать все морфемы, выделяемые в составе многоморфемного слова, что является предметом словообразовательного анализа. Точно так же это не исключает выделения различных частных моделей, схем слов в зависимости от их морфемного состава. Главное состоит в том, что любая модель полнозначного слова, независимо от числа морфем, в своем качестве номинативной единицы непременно бинарна, т. е. сводима к общей формуле номемы.

Такое представление о номинативной единице полностью согласуется и с существующим представлением о бинарности простого предложения. Вторая составляющая предложения, которая сообщает ему качество высказывания, присутствует не только в двусоставном, но и в односоставном предложении. Это, как уже было отмечено, предикативность. Компонент предикативности, конструирующий формулу предложения, соответствует компоненту, заключающему в себе номинативную достаточность, который конструирует формулу номемы. Но так как исходным материалом для предложения даже в простейшей его схеме является номинативная единица — синтагма означаемых, то предложение в любом простейшем случае является синтагмой синтагм означаемых.

Для характеристики структуры типов означаемых существенно выделение их как минимальных единиц, в которых присутствует уже их основное качество. Соотнесенность разных типов означаемых — морфемы, номемы и предложения — с одним знаком помогает увидеть это качество. Невыраженность отдельных элементов данных типов означаемых, которая создает иллюзию омонимии их означающих, если брать отдельный знак в его начальной форме, фактически отсутствует. Это становится ясным, как только отдельному знаку, например «дом», приписывается значение номемы, морфемы или предложения.

Отдельный знак «дом» воспринимается как номема (слово) в силу воспроизводимости в нем значения предметности. Означаемое номинативной единицы подчиняется общей закономерности: оно всегда имеет выраженное означающее. Но означаемое никогда полностью не представлено в «основном» знаке. И автор словаря, и школьник, объясняя значение слова *дом*, чуть ли не интуитивно опираются на более сложную совокупность знаков. Знак «дом» свое качество существительного обнаруживает в парадигматике (*дом, дому, домом*) и в синтагматике (*дом отца, новый дом* и т. д.). Здесь и появляется выраженность его формулы как номинативной единицы.

Для лингвиста не как носителя языка, а как исследователя отдельный знак «дом» еще не слово, хотя бы уже потому, что он может быть и знаком морфемы и в сущности является таковым. Но выраженность и означаемого морфемы в данном знаке появляется в зависимости от других знаков, соседних морфов (*дом-ов-ой*). Здесь становится очевидной несинтагматическая структура морфемы как означаемого. В слове *дом* присутствует морфема *дом-*, поскольку слово включает еще и морфему предметности, которая лишь в именительном падеже является нулевой. Отдельность морфемы как неделимого далее означаемого, несинтагмы будет подтверждена и в контексте других морфем (в родственных словах).

Выступая как предложение, знак «дом» также объединяется с соответствующими означающими, которые компенсируют отсутствие выражения предикативности в самом знаке. Это и интонация законченности высказывания, и соответствующее окружение других знаков, которое укажет, что в данном случае типично морфемная структура ассоциируется не с означаемым морфемы или даже слова, а с определенной минимальной единицей предложения.

Формула предложения выраженно укажет на состав его неизменных означаемых в парадигматике (*Дом, Был бы дом*), но она всегда присутствует и при нулевом знаке предикативности, которая в конечном счете оказывается выраженной другими средствами.

Формула даже такой наиболее простой единицы предложения, о какой идет речь здесь, указывает, что минимальной составляющей его предикативности является уже не морфема, а слово. Если в основе слова *дом* лежит морфема, то в основе предложения *Дом* будет уже само слово.

Каждая составляющая слова как номемы является одной ее частью независимо от степени сложности этой единицы. В цельнооформленном производном слове как основной модели реализации номемы СС может быть, например, и многоморфемной, КС всегда не менее чем двуморфемна, так как выражает значение части речи и свойственное ей грамматическое (-ие) значение (-ия). Например, в слове *двухэтажный* СС представлена двумя означаемыми (*два, этаж*), КС — также двумя (*-и, -ый*). Но и в словах типа *дом* есть СС и КС, и если в нем СС одноморфемна, то КС, выраженная нулевой морфемой, как означаемое также двуморфемна, так как представляет соединение означаемых — субстантива и его грамматических значений, которые непременно материализуются в самой коммуникации (речевой действительности).

Обе составляющие номемы «одноморфемны» в том смысле, что первая из них указывает на не обладающее номинативной достаточностью лексическое значение, способное быть выраженным корневой морфемой, а другая — на классифицирующее значение (части речи), которое также может быть материально выражено одной (некорневой) морфемой. Ни СС, ни КС отдельно не могут быть названием чего-то; они могут стать им только в бинарном единстве, в составе синтагмы означаемых номемы.

Если СС номемы может реализоваться в любом вещественном содержании, что отражено в многообразии самих корневых морфем, то КС номемы, на что указывает уже сам термин, принятый нами, строго ограничена в своих частных значениях. Кроме общего классифицирующего значения «часть речи», она конкретизирует его как значение конкретной части речи в пределах ее внутренней систематики.

Как компонент общей формулы номинативной единицы КС существенна для нас тем, что заключает в себе конструирующее ее качество — номинативность. Но в любой реальной номинативной единице КС характеризуется дополнительно, указывая как на значение конкретной части речи, так и на другие частные ее значения. Поэтому как существуют разные «схемы» минимального высказывания-предложения, так существуют и разные схемы минимальной номинативной единицы.

Любая минимальная номинативная единица указывает не на номинативность вообще, а на конкретное значение части речи. Но и это значение, допустим, значение предметности, будет конкретно представлено как значение лица, имени действия и т. д.

С этой точки зрения различаются своими схемами не только, например, *дом* и *бездомный*, *одомашнить*, как единицы разных частей речи, но и *дом* и *одомашнивание*, как единицы одной части речи. Они различимы и в результате словообразовательного анализа, для которого слово *дом* — непроемная и, следовательно, нечленимая единица. Для ономазиологии, однако, существен факт членимости любой номемы, в том числе и непроемного полнозначного слова. На этом и основана возможность раздельнооформленной реализации производных слов (ср. *обездомить* — *лишиться дома* и только *лишиться работы*, *лишиться счастья* и т. п.). Поэтому схема номемы и словообразовательная модель далеко не одно и то же.

Самым важным является здесь то, что все номинации соответствуют общей формуле номемы. Но если формула номемы всегда одна и та же (она представляет собой обязательную синтагму⁷⁸ семантического и классифицирующего означаемых), то знаковая структура означаемого номемы может оказаться различной⁷⁹. Она будет зависеть от того, какими единицами (средствами) выражена каждая составляющая номемы. Именно таким

⁷⁸ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с.118.

⁷⁹ Любой акт номинации является результатом утраты идентифицирующего элемента в двусоставном образовании.

ождается лингвистическое обоснование тезиса о разных способах представления семантической структуры имени предмета (Т. П. Ломтев) и, добавим, номинативной единицы вообще.

Мы уже убедились в том, что означаемые содержательного членения не обязательно связаны с постоянной структурой означающего. Эта закономерность четко проявляется и в номинативной системе языка. Так, означающим морфемы может быть слог, как наиболее ожидаемая единица материального членения. Но, как мы знаем, им может быть и отдельный звук, и звукосочетание, не совпадающее со слогом, и даже «нуль» звука. Наконец, если мы обратимся к более сложной, условно конечной единице содержательного членения — предложению, мы также столкнемся с тем очевидным фактом, что оно выражается единицами материального членения разной структуры. Предложение может быть многословным, двусловным и однословным. В первом случае каждая из составляющих синтагмы предложения может выходить за границы одного слова, в последнем — одна из составляющих предложения может вообще не найти своего выраженного означающего и будет представлена нулевым знаком.

Следовательно, то, что единицы содержательного членения могут не совпадать с наиболее вероятными для них единицами материального членения, является общей закономерностью. Одним и тем же единицам содержательного членения, одним и тем же типам означаемых, как правило, соответствуют разные по своей структуре модели означающих. Этот закон асимметрии проявляется на каждом уровне значимых единиц.

Полнозначное слово лишь наиболее вероятная и типичная модель означающего номинативной единицы, и на причины этого отчасти было указано выше. Но слово как единица материального членения, т. е. фонослово, более тесно связано с номемой, чем, например, слог с морфемой. Ведь слог, и морфема тем более, выделяются в результате определенного лингвистического анализа. Они непосредственно не воспринимаются носителями языка. Фонослово же как означающее номемы, напротив, всегда является «названием чего-нибудь», существует независимо от исследователя как основная единица общения (основная языковая единица).

Существование слова неизбежно в такой же мере, как и существование самих понятий — исходного в известном смысле строительного материала человеческого мышления. Слово — реальность, которая «навязывается» любому носителю языка, не задумывающемуся о его языковой сущности и не способному тем или иным образом его лингвистически охарактеризовать. Поэтому любое, даже производное полнозначное слово, выражая понятие, непременно тем самым соответствует номеме, единице более сложной, чем отдельная морфема, и обладающей коммуникативной функцией.

Однако в силу общей закономерности абсолютно однозначного соответствия «фонослово — номема» нет. Заклучая в себе всегда номему, фонослово как означающее способно выразить и более сложную единицу означаемого, т. е. способно быть предложением⁸⁰. Таковы, например, слова типа *одеваюсь (я одеваю себя)*, в которых выражены оба состава предложения (субъект и предикат).

Напротив, служебное слово как единица материального членения не включает в себе номему, не является самостоятельной номинацией. Оно не обладает синтагматической структурой и выступает лишь как компонент одной из составляющих номинативной единицы более сложной структуры. И все же служебное слово может быть рассмотрено как автономная единица материального членения, так как имеет признаки, которые отличают его от части слова и сближают с фонословом (способность отделяться другими словами от слова, к которому оно относится; способность к перемещению). Поэтому

---

⁸⁰ Никитевич В.М. Морфема как единица выражения и значения. АПРС, Ташкент, 1980.

термин «слово» с этой точки зрения вполне обоснован.

Таким образом, служебные слова подтверждают общее положение о том, что нет строгого соответствия между определенными типами означающих и означаемых. В данном случае это выражается в том, что не каждое слово, а только полнозначное способно выступить как означающее, которое соответствовало бы номеме.

1.6. Слово и другие типы номинативных единиц

Как означающее полнозначное слово — наиболее идеальная форма выражения номинативных значений. Поэтому в отношении к нему могут быть рассмотрены все другие, как более простые, так и более сложные, единицы членения предложения.

Существующие определения слова, в которых пытаются совместить его признаки как «минимальной линейной единицы» и единицы содержания, всегда окажутся недостаточными и весьма общими, так как полное совпадение этих двух планов членения противоестественно для языка. Поэтому неизбежна и правомерна «односторонность» определений слова, опирающихся или только на фонетические, или только на семантические и другие отдельные признаки, на что сетуют многие авторы⁸¹.

И предлог, и глагол *возвратиться* — слова, единицы одного порядка, если брать за основу их признак отдельности. Попытка же объединить их и по признаку «референтной функции» не случайно требует оговорок⁸². Возникает вопрос, насколько лингвистически целесообразно такое «оговоренное» определение слова, которое не указывает на качественное различие между единицами несинтагматической и синтагматической структуры.

Слово *в* выражает морфемное, неделимое далее, несинтагматическое значение. В данном конкретном случае эта единица значения способна существовать и как морфема с той же нечленимостью своего содержания (ср.: *вдуматься, в думы*). Слово же *возвратиться* представляет собой совокупность морфемных значений. Существенно не то, что оно является морфемно сложной единицей (а это усугубляется еще тем, что оно включает даже значение грамматического объекта — «возвратить себя»). Существенно, что оно обладает бинарностью номемы, в данном случае содержит КС зависимого процессуального признака и как цельнооформленная единица является глаголом. Поэтому и любой непрямой глагол отождествим с любым производным глаголом, какую бы сложную совокупность морфем он ни представлял. Когда мы имеем в виду отдельное полнозначное слово, конденсация в нем различных морфемных значений — момент второстепенный по отношению к КС, которая сообщает ему номинативную достаточность. Не случайно эти значения обладают разными возможностями конденсации в отдельном слове в разных языках. Например, в польском языке объект «себя» не конденсируется в глаголе, но это не ущемляет прав отдельного слова — глагола в данном языке, так как в нем естественно сцепление корневых морфем с КС глагольности.

В современном русском языке, как известно, дискретное выражение объекта действия «себя» обычно ведет к различию значений (ср. *учиться, учить себя* и пол. *uczyć sie*), и конденсация морфемы *-ся (-сь)* в глагольном слове в русском языке составляет весьма сложный диапазон его семантики. Однако это не мешает выделять глагол в русском языке, как и в польском. Данный факт уже подтверждает, что конденсация объектной морфемы не затрагивает бинарной сущности (в данном случае глагольной) номемы.

В слове, как цельнооформленной единице, могут морфемно конденсироваться различные значения, способные быть представленными отдельными словами и даже сочетаниями слов. В этом оправданность слова как идеальной формы номинации, в своей сути являющейся одним из результатов экономии языковых средств.

⁸¹ Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. — М., 1969, с. 54.

⁸² Там же, с. 56.

Полнозначное слово не случайно способно «перифразироваться» в простое или сложное сочетание слов. Сюда относятся в первую очередь слова, которые дают регулярное и системное перифразирование некорневых морфем. В результате слова определенного морфемного состава регулярно получают эксплицитные соответствия в виде сочетаний слов. К ним относятся, в частности, такие (приводим отдельные примеры), как *пребольшой* — *очень большой*; *перечитать* — 1) *прочитать заново*, 2) *прочитать всё*; *богач* — *богатый человек*; *сибиряк* — *житель Сибири* и т. д.⁸³

Обладая определенной системностью, некорневые морфемы включаются тем самым в сферу номинативной деривации и морфологии. Вместе с тем они могут оказаться в основе содержания отдельного слова. Но так как это слово в определенной сочетаемости равнозначно морфеме другого слова, в этих условиях оно всего лишь способ словного существования морфемы. То, что традиционно выделяются служебные (формальные, грамматические) слова, глубоко оправданно и продиктовано самим языком.

Другое дело, что многие некорневые морфемы в процессе речи замещаются отдельным словом и тем самым указывают как бы на скрытую в них бинарность, соответствующую номеме. Но подобное слово как эквивалент морфемы не может быть отождествлено с любым полнозначным словом. Его номемная структура — лишь один из способов представления значения, которое может быть передано в данном языке и «способом морфемы». Этим и объясняется синонимика словосочетаний с отдельным словом, основанная на эксплицитных связях, т. е. когда синонимы объединены общим корнем, типа *перечитать* — *заново прочитать* и т. д. Но более характерны слова, которые практически никогда не коррелируют с морфемой и всегда обладают самостоятельной номинативной функцией.

Любая совокупность морфем в составе любого многоморфемного слова, обладая КС, тем самым получает бинарность номемы. Поэтому многоморфемное слово в принципе совпадает и с простым словом, обладающим данной бинарностью. Любое линейное слово любой «длины», если оно только не слово-морфема, является отдельной номинативной единицей. Ее формальной границей является отдельность и цельнооформленность, т. е. те признаки, которые берутся иногда за основу признания любого слова основной языковой единицей. Но так как существенно выделить единицы, обладающие номинативной достаточностью, отдельность слова должна учитываться лишь как признак плана выражения, который обеспечивает в значительной части наиболее экономный, предельно сконденсированный способ реализации номемы. Однако, обладая в отличие от морфемы семантической членимостью, номема далеко не всегда получает возможность «вместиться» в слово. И тогда ее означивающим явится сочетание слов, как это мы имеем при словообразовательной недостаточности.

Полнозначное слово лежит в основе языкового существования и инвентаризации денотативных содержаний окружающего нас мира реалий и понятий. Каждая составляющая номинации — не обязательно неделимый далее компонент. КС всегда представляет единство двух значений — общедеривационного (части речи) и реляционного (парадигматических ее значений). Но реляционное значение взаимосовмещено со значением части речи, поэтому они выступают как одно значение («совмещенные признаки есть признак»). Например, в *бел-ый* значение прилагательного совмещено со значением степеней сравнения, а в *бел-еть* значение глагола совмещено со значением вида, времени и другими глагольными значениями. В объяснении же структуры номинации каждая совокупность таких значений — одна и отдельная КС, отчего и зависит, что морфема *бел-* становится основой номинаций разных классов.

В ономаσιологической модели слова основной оказывается морфема (морфемы),

---

⁸³ Мартынов В.В. Анализ по семантическим микросистемам и реконструкция праславянской лексики. — Этимология. М., 1968, с. 12.

закрывающая в себе значение части речи. Конкретная материализация данного значения может быть различной, и поэтому прежде всего важно учитывать сам фактор этого значения⁸⁴, подобно тому как важно учитывать фактор значения предикативности в предложении независимо от способа его материализации.

Выделение в полнозначном слове двух составляющих с точки зрения его номемной структуры и позволяет провести определенную аналогию между полнозначным словом и предложением. Слово, как и предложение, допускает последовательное дихотомическое членение, результатом которого являются простые, неделимые далее означаемые. Выделение в конструктивно сложном члене синтагмы предложения сочетаний слов и отдельных слов в известном смысле аналогично выделению в конструктивно сложной составляющей номемы сочетаний морфем и отдельных морфем. В этом плане слово изоморфно предложению со стороны своей словообразовательной структуры⁸⁵.

Однако как для предложения существенно исходное членение, которое не зависит от конкретного предложения, а представляет собой модель предложения вообще, его качество как типа означаемого, так существенно и исходное членение полнозначного слова, которое вскрывает суть модели номинативной единицы.

Безусловно, составляющие слова и предложения — единицы разных уровней. Второй член синтагмы слова (КС) — это то, что дает некоему некому коммуникативному, хотя и значимому, отрезку способность быть названием. Второй член синтагмы предложения — это то, что дает значимому речевому отрезку способность быть единицей сообщения. Но и полнозначное слово и предложение — единицы, основанные на одном — синтагматическом принципе организации производного означаемого.

1.7. Границы раздельноформленной номемы как означающего

Качественное отличие синтагмы номемы от синтагмы предложения четко определяет границу номинативной корреляции слова и сочетания слов. Слово как номинативная единица может сконденсировать в себе любое распространенное словосочетание, но такое, которое не выходит, за пределы структуры, номемы: любой новый элемент, не укладывающийся в структуру номемы, это уже элемент синтагмы предложения.

Сочетание слов любой сложности, семантически соответствующее слову как единице номинации (ср.: *смех* — «выражение полноты удовольствия, радости, веселья... отрывистыми звуками...»), всегда лишь сумма грамматически организованных слов, способных выступить в пределах только одной составляющей предложения, а следовательно, раздельноформленная номема.

Так как содержание отдельного слова может быть передано и фактически передается в речи сочетаниями слов (как и наоборот), возникает вопрос о предельной границе номинативной единицы. Может показаться, что любая совокупность слов если не реально, то потенциально способна конденсироваться в отдельном слове, и поэтому такой вопрос беспредметен. Но это не так. Операции с конденсацией, которые в конечном счете приводят к выделению реально существующих в языке раздельноформленных эквивалентов отдельного слова, позволяют утверждать, что это достаточно распространенное мнение ошибочно и что есть качественный предел конденсации в отдельном слове. В двусоставном предложении этим пределом является один его состав (состав подлежащего и состав сказуемого, по И. И. Мещанинову)⁸⁶. Любое

⁸⁴ Волоцкая З.М. Об одном подходе к типологии славянских языков. — Славянское языкознание. М., 1963.

⁸⁵ Вполне допустимо, что различные типы так называемых нерасчлененных предложений представляют собой как на более высоком уровне аналоги соответствующих типов служебных слов.

⁸⁶ Ломтев Т.П. Принципы построения формулы предложения. — НДВШ. Филологические науки, 1969, №5.

нераспространенное двусоставное предложение может являться конденсатом любого распространенного двусоставного предложения, но само оно никогда не способно вылиться в однословный конденсат, который соответствовал бы формуле номинативной единицы. Так, предложение *Оказывают помощь студенты высших учебных заведений* способно дать последовательно ряд конденсатов: *Оказывают помощь студенты вузов. Помогают студенты вузов* и др.⁸⁷. Но конечным результатом конденсации может явиться только нераспространенное предложение (*Помогают вузовцы*). Это объясняется тем, что различные ступени конденсации возможны только в границах одного состава предложения.

Тем более очевидно, что и сложное предложение, если оно способно трансформироваться в простое, закончит свой путь возможной конденсации только в границах предложения⁸⁸. В частности, взятое для примера исходное предложение соотносимо со сложным: *Оказывают помощь студенты, которые учатся в высших учебных заведениях*.

Наиболее часто соотносится с отдельным словом отрезок, состоящий из двух слов. Это наиболее экономная единица по отношению к слову в сравнении с любым другим отрезком слов. Но главная причина смыслового совпадения двусловных сочетаний со словом в том, что подклассы частей речи выделяются на основе обобщенных значений, которые могут при необходимости быть переданы лексически отдельным словом. Так, в предложении *Бывшие строевые солдаты производят ремонт пятистенных домов, принадлежащих крестьянам* все следующие за первым словом двусловные отрезки имеют однословные соответствия. Это дает совпадающее по смыслу предложение *Бывшие строевики ремонтируют крестьянские пятистенки*. Разумеется, в речевой действительности возможны различные промежуточные варианты с частичным соответствием сочетаний и слов, как следствием нетождества их стилистических значений и норм словоупотребления.

Непосредственная связь слова и двусловного отрезка прослеживается при постепенной деконденсации многоморфемного, особенно с более чем одной корневой морфемой, существительного на двусловные отрезки, например:

Пятитонщик - водитель пятитонки, водитель пятитонного грузовика, водитель пятитонной грузовой автомашины - (тот) кто водит грузовую автомашину подъемностью в пять тонн

Как видим, конечный результат такой деконденсации весьма сложен, но и он совпадает с одним составом предложения. Примеры этого порядка как раз показывают, что цельнооформленному слову могут соответствовать отрезки слов большой протяженности. Они далеко не всегда совпадают со сложным словосочетанием, из чего следует, что если такое совпадение и имеет место, то это сопутствующий факт, хотя и не случайный, так как грамматически организованное единство слов, каким является словосочетание, не может не иметь отношения к номинативным единствам. Например, со сложным сочетанием совпадают отрезки типа *работники обувной (текстильной, пищевой...) промышленности*, пределом конденсации (сужения) которых явится слово *обувщики* (и т. п.). Но когда надо устранить сниженность стиля, появится или указанное сочетание, или даже сочетание *те, кто работает в обувной промышленности*.

В последнем случае происходит дальнейшая деконденсация (расширение). Слово *работник* — лексический показатель деривационного значения номинации — также выступает как сочетание *тот, кто работает*, которое необходимо предполагает

---

⁸⁷ Будагов Р.А. Категория значения в общей теории языка. — Проблемы языка. М., 1967.

⁸⁸ Белошапкова В.А. О понятии «формула предложения» на уровне синтаксиса сложного предложения. — Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969, с. 206.

включение в сложное предложение. Но, представляя формально с позиций традиционной классификации часть сложного предложения, такой предельно расширенный отрезок содержательно не выходит за границы одного состава предложения. Это предельная номинация, способная быть свернутой в минимальную — одно слово.

Слово как предельный конденсат может явиться результатом сужения элементарного сочетания из двух слов, которые сами уже являются результатом сужения. Если учесть, что в сочетании *водитель пятитонки* каждое слово — результат сужения, то *пятитонщик* соотносимо и с отрезком (*тот*), *кто водит автомашину грузоподъемностью в пять тонн* и т. д. В определенных целях описание слова, например, *пятитонщик* в его номинативной микросистеме лингвистически более существенно и обладает большей объяснительной силой, чем установление того, что оно образовано от слова *пятитонка*, как и установление других его словообразовательных свойств.

И теоретически и практически важно объяснить и дать системное описание соотношенности производных слов и синонимичных с ним в определенных условиях развернутых номинаций. В этом конкретно выступает предмет функциональной ономазиологии и его отличие от предмета словообразования.

Расширенные номинации благодаря своей неоднословной структуре обнаруживают различия, способные стать основой для их классификации, а тем самым их однословных эквивалентов, которые со словообразовательной точки зрения кажутся одинаковыми. Так, названия лица, совпадая по словообразовательному значению и модели, различаются степенью своей идиоматичности. Одни из них указывают на свободную связь с объектом действия (*исполнитель* — тот, кто исполняет что-нибудь), другие включают определенный объект действия (*писатель* — тот, кто пишет художественные произведения).

Как отглагольные, так и отыменные существительные, полученные способом аффиксации, вовлекаются в процесс семантического сужения. Их неспособность выразить все значения мотивирующей основы восполняется несловообразовательно. Ср.: *правитель* — тот, кто правит государством **и** тот, кто правит лошадю; *богач* — тот, кто богат **и** тот, кто богат воображением.

Расширенные номинации, не имеющие словообразовательных коррелятов, свидетельствуют о том, что номинативное членение не может быть отождествлено с выделением в тексте полнозначных слов. Референтная функция — денотативное содержание, соответствующее номинации, — лишь наиболее доступно обнаруживается в отдельном слове, но она может быть выражена и дифференцированно, в расширенных номинативных единицах и, кроме того, вне связи со словообразованием.

Семантическим признаком предельной номинации является ее совпадение с одним составом предложения, а формальным — ее потенциальная способность сужения (свертывания) в цельнооформленное единство — слово. Однако слово не всегда возможно в силу образующей недостаточности, но если оно и есть, вместо него при необходимости появится расширенное его соответствие, которое способно эксплицировать «скрытые» элементы слова. Расширенные номинации неизбежны, несмотря на то что существует их более экономный коммуникативный эквивалент — полнозначное слово.

Предельная номинация обладает минимальной бинарностью. Входящие в нее слова имеют значения частей речи и обладают определенной самостоятельностью, но все вместе они выражают общее, наиболее абстрагированное значение — предметность или процессуальность, — которое может иметь производное слово. Это объяснимо так же, как то, что в предложении возможны лишь два состава — состав подлежащего и состав сказуемого. Их значения — «то, о чем говорится» и «то, что говорится» изоморфны существительному и глаголу. Данное положение согласуется не только с тем, что состав подлежащего обычно конденсируется в существительное, а состав сказуемого — в глагол,

но и с тем, что любое подлежащее и любое сказуемое (какой бы частью речи они ни были выражены) обладают грамматическими свойствами этих основных классов⁸⁹.

Любая предельная номинация может быть рассмотрена как состоящая из неопредельных и минимальных. Чем больше ее способность к конденсации в слове, тем больше ее номинативная целостность. И наоборот, ее неспособность к конденсации делает ее скорее условной величиной и указывает на то, что реально она представляет сумму независимых номинаций. Это положение не распространяется на фразеологически объединенные составы предложения, так как они получают воспроизводимость целостных номинаций.

Необходимость говорить об отношении номинативной единицы к предложению вызвана тем, что ее обязательным пограничным сигналом является один состав предложения. Но состав предложения, как и его часть и даже отдельное слово, может быть объяснен не только с синтаксической, но и с номинативной точки зрения. И тогда становится очевидным, что в отличие от несинтагматических единиц значения — морфем есть синтагматические — номинативные единицы. Номинативные единицы любой структуры — минимальные и предельные — отождествимы по ряду признаков. Основной из них состоит в том, что все они сводимы к формуле номинативной единицы.

Обычно коррелируют между собой относительно простые сочетания и слово. Образование сложных и простых слов, а также аббревиатур, которые бытуют параллельно с сочетаниями, может быть объяснено тем, что слово является наиболее экономным означающим. Оно, как правило, не отличается от своего сочетания семантически. Такие разные параллели, как, например, *спортивный зал* и *спортзал*, *передовая статья* и *передовица*, *высшее учебное заведение* и *вуз*, независимо от различий структуры «производных» слов одинаково подчинены процессу конденсации. Результат «чистой» конденсации мы находим в тех словах, в которых один из компонентов словосочетания регулярно передается морфемой. Идеальным примером морфемы является суффикс *-к-Ср.*, например, слова *штормовка*, *курилка*, *зачетка* с синонимичными им сочетаниями.

Целостность и отдельность слова как означающего оказывается единственным преимуществом, которое делает его более предпочтительным способом номинации, чем сочетание слов, в тех случаях, где никакого эллиптирования слагаемых означающих по существу не происходит. Ср., например, *шароподобный* — *подобный шару* и *место жительства* — *местожительство*.

Конденсация слагаемых номинаций в отдельном слове стремится перейти в семантическую конденсацию. Это происходит уже в тех словосложениях, где одно из слагаемых утрачивает лексичность, становится аффиксоидом. Данные слова могут утратить или не получить способность коммуникативного варьирования с сочетаниями (*шаровидный* и т. д.).

Независимо от того, может полнозначное слово быть рассмотрено как результат конденсации словосочетания или не может, являясь синтагмой, оно обладает структурой номинативной единицы. Обладая целостностью и способностью к семантической конденсации, к развитию многозначности, слово становится, как правило, воспроизводимой, «готовой» номинацией. Однако многозначность имеет свои пределы, зачастую производное слово не в состоянии «удержать» все значения мотивирующей основы, отразить все необходимые «названия». И тогда неизбежно возникает неоднословный номинативный эквивалент.

Возможное появление «речевого» слова далеко не всегда вовлекает его в процесс воспроизводимости, т. е. в языковую систему номинаций. Речевое слово не только осуществляет номинацию, но и заключает в себе «художественную» и иную экспрессию,

---

⁸⁹ Никитевич В.М. Минимальная и предельная номинативные единицы как результат ономазиологического членения текста. – Вопросы русского языкознания. М., 1979, вып. 2, с. 120.

и это последнее в первую очередь объясняет его появление (ср. *хорошесть* и т. п. у Л. Леонова). Господствующим в речевой действительности является создание прежде всего неоднословных означающих, которые соответствовали бы отсутствующему слову.

Всегда по самым различным причинам (семантическим, грамматическим и стилистическим) возникает потребность актуализировать тот или иной элемент номинативного содержания. Примером такого замещения является коммуникативное варьирование единиц порядка *смелчак, смелый человек, смелый, (тот) кто смел* в значении личных субстантивов или локативов порядка *курилка, курительная, курительная комната* и др.⁹⁰.

Выделение формулы номемы как синтагмы из двух составляющих — семантической и классифицирующей — дает возможность исследования конкретной реализации производных номинаций посредством модельно организованной совокупности эксплицитно взаимосвязанных дифференцирующих средств (знаков). Они могут реализоваться в отдельном слове, если КС способна воплотить требуемое значение в цельнооформленном означающем. Но различные основы, в зависимости от многих отмеченных выше причин, неодинаково реализуют свое значение производного класса. Кроме модели цельнооформленного (производного) слова, существуют другие модели означающих, среди которых важное место занимают словосочетания в деривационной функции. Эти сочетания являются функциональным продолжением словообразования в системе номинативной деривации⁹¹

---

⁹⁰ Волоцкая З.М. К методике сопоставительного анализа номинативной деривации в славянских языках на материале обозначений локативных денотатов. – Словообразование и номинативная деривация. Гродно, 1982, с.32.

⁹¹ Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1974-1977 гг.: Словообразование. – М., 1982, с. 10-18.

Глава II ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО И ДЕРИВАЦИОННОЕ СОЧЕТАНИЕ

2.1. О деривационном анализе

В лингвистике давно осознана необходимость выделения и описания способов выражения грамматических значений. Это объясняется тем, что принадлежащим к одной категории грамматическим означаемым могут соответствовать принципиально разные (разных уровней) модели означающих. На этом основании выделяются морфологический (морфемный), синтаксический (синтаксическая позиция, порядок слов) и фонетический (чередования, ударение) способы выражения морфологических значений. Но данная закономерность в известной мере характеризует и значения, обычно выражаемые словообразовательными аффиксами¹.

Сочетание слов может не только коммуникативно соответствовать производному полнозначному слову, но и стать единственным способом выражения производного значения. Это правомерно выдвигает вопрос об отношении подобных сочетаний к номинативной деривации. В первую очередь привлекают внимание те ряды структурно одинаковых сочетаний, которые совпадают в своем деривационном значении с рядами производных слов и вместе с ними соотносимы с одними и теми же рядами мотивирующих единиц.

Изучение различных способов выражения грамматических значений является одной из важных областей грамматики как науки². Лингвисты давно единодушны в том, что грамматическая единица может быть не только целостным синтетическим единством, но и аналитическим. Это закономерно приводит к признанию того, что наряду с собственно формообразованием, т. е. флективным образованием форм, существует «синтаксическое формообразование»³. Так возникает понятие «морфологическое сочетание»⁴, которое отдельные авторы отличают от понятия «аналитической формы»⁵.

Второй аспект изучения номинации затрагивает ее со стороны фразеологической целостности. Становится очевидным, что само слово как означающее не в состоянии представить всю совокупность номинативных значений, хотя они обычно фиксируются словом.

В наличии неоднословных отрезков, которые вливаются одним потоком в грамматику, а другим в лексику, не приходится сомневаться. Те и другие являются «раздельнооформленным соединением» слов. Их компоненты, т. е. отдельные слова, в отличие от свободных сочетаний слов перераспределяют свои значения и образуют иные, более сложные (в разной степени) формальные и содержательные зависимости⁶.

Утрачивая номинативную самостоятельность, они как бы снижаются до уровня морфем, которые в морфологических сочетаниях непременно выделяют грамматическую «морфему» (служебное слово), а в лексических преобразуются в лексические корневые «морфемы». При этом одни из них достаточно устойчиво сохраняют исходную семантику (как в сложных словах), другие могут изменить ее, не оставив и следа какой-либо мотивации. На этом и основано выделение фразеологических единиц и сращений, а сложность этих процессов и выливается в проблему идентификации фразеологизмов⁷. Параллелизм грамматического и лексического аналитизма мог бы быть отражен в единстве терминологии. Фразеологизм — это лексическая аналитическая «форма» в отличие от морфологической (грамматической) аналитической формы.

Однако отсутствие однозначного соответствия между типом означаемого и структурой означающего является закономерностью, свойственной всем уровням языка. Универсализм языкового знака состоит в том, что означаемые одного уровня способны быть выражены и фактически выражаются означающими разных уровней, а отсюда следует, что означающему одного уровня соответствуют означаемые разных уровней. Учитывая это, можно ожидать, что существует аналитизм грамматический, лексический и деривационный, поскольку в полнозначном слове выделяются все эти три типа значений⁸.

Постановка вопроса может быть аргументирована следующим образом. Если грамматическая форма — «это соотношение грамматического значения и способа выражения этого значения в их единстве»⁹, то, по-видимому, возможны и другие «единства», в данном случае уже неграмматические. Прежде всего закономерно выделение вообще языковой формы как единства языкового значения и способа его выражения. С этой точки зрения лексическая «форма» — единство лексического значения и способов его выражения, одним из которых является «синтетическое слово». Кроме этого основного и идеального (в плане выражения) способа, известны другие. Сюда относится обширная область различных фразеологизмов, как аналог лексического аналитизма в морфологии. Лексикализация, как и морфологизация, сочетаний приводит к развитию той спаянности компонентов, которая позволяет говорить о производном лексическом единстве, приближающемся к слову или совпадающем с ним, и о производном грамматическом единстве, в частности аналитической форме, входящей в одну парадигму с другими синтетическими формами.

Как в диахронии, так и тем более в синхронии конструируемые из сочетания и грамматическая (морфологическая), и лексическая формы могут сохранять свою раздельность, но это не препятствует тому, что они являются «способом выражения» соответствующих значений. Аналогия может быть продолжена при рассмотрении других способов выражения, таких, например, как ударение, которое равным образом может выделять качественно различные значения. Понятно, что, имея дело с качественно различными типами абстракции, мы получаем ограниченное число морфологических форм и большое разнообразие лексических единиц.

Аффиксация в широком смысле является основным способом выражения как лексических, так и морфологических значений. «Аффиксация» лексического значения — это прежде всего сама корневая морфема, которая абсолютно обязательна в слове и функционально весома в нем, если не нейтрализована другим способом выражения (например, во фразеологизме). Корневая морфема как способ выражения лексического значения типична для словообразовательных форм, где она выступает как бы в роли отождествляющего, следовательно, классифицирующего аффикса по отношению к различающим собственно аффиксам, например, *молод (-ой, -есть, -ость)*. Но ср.: (*молод-, храбр-, чутк-*) *-ость*, где в отождествляющей роли выступает привычный для нас словообразующий аффикс, а корневые морфемы являются различающими.

Поскольку в номинативной единице, кроме лексического и грамматического, выделяется и словообразовательное (деривационное) значение¹⁰, то должно существовать и понятие деривационной «формы», которая также, разумно предположить, кроме основного способа — аффиксации, может иметь и другие способы выражения.

Мы традиционно и привычно рассматриваем слово не только как лексическую, но и как грамматическую единицу. Вместе с тем полнозначное слово, безусловно, является и деривационной единицей, независимо от того, «производное» оно или нет. Основанием для такого утверждения будет то, что в слове выделяются значения, которые не являются грамматическими, но, с другой стороны, в силу своей классифицирующей природы не могут быть поставлены в один ряд с собственно лексическим, вещественным значением¹¹.

До тех пор пока деривационное значение мы выделяем в наиболее типичной деривационной форме, т. е. производном слове, мы, видимо, получаем несколько ограниченное представление о нем, что уже отражено в самом термине — «словообразовательное» значение. Естественно, что в этом случае мы можем приписывать деривационное значение только «словообразовательным формантам»¹². Но если исходить из того, что деривационное значение может иметь также разные способы выражения, а способ аффиксации является лишь одним (основным) его способом, то логично деривационное значение освободить и от обязательного способа аффиксации или других способов его выражения в цельноформленном слове. Важно подчеркнуть независимый статус и абстрагирующий характер деривационного значения: это общее лексическое

значение, которое в определенных совокупностях производных номинативных единиц не зависит от значений частей речи¹³. Так, значение приставки *без-* объединяет слова различных частей речи: *бездеятельный, бездеятельность, бездеятельно*; ср. соответственно: *деятельный, деятельность, деятельно*. С другой стороны, возможно разграничение с различным характером абстракций значения внутри одной части речи: *читатель, чтец, читака, читателишка* и т. п. Они не относятся к собственно лексическим лишь в том смысле, что заключают в себе абстракцию, не связанную непосредственно с вещественным значением слова, и характеризуют не одно слово, а более или менее протяженные ряды слов.

Нужно учитывать, что кроме общих деривационных значений существуют частные значения внутри класса слов (например, значения лица в существительных)¹⁴.

Наличие разных способов выражения грамматических и лексических значений не могло не привести к мысли о существовании деривационного аналитизма. Однако понятие «аналитической деривации», которая противопоставляется «синтетическому словообразованию», пока толкуется весьма широко¹⁵.

Проблема аналитического слова как лексемы, преимущественно не в деривационном, а в собственно лексикологическом аспекте, получила глубокое освещение в трудах белорусских лингвистов. Были выделены такие признаки «аналитической лексической единицы», как смысловая эквивалентность отдельному слову, воспроизводимость. Проведен определенный анализ данных единиц в отношении к словосложению и свободным синтаксическим сочетаниям¹⁶. Рассмотрены признаки синонимической соотносительности таких словосочетаний с отдельным словом¹⁷, косвенно указано на важную предпосылку типологического исследования в этом аспекте разных языков¹⁸.

Вместе с тем все еще обсуждается вопрос, может ли словообразовательное значение выражаться не только формантом слова¹⁹.

До сих пор эти явления не исследованы в их связи с номинативной деривацией. Одним из результатов их описания могла бы быть матрица, которая отразила бы асимметрию словообразовательных значений и средств их выражения. Наряду с аффиксными производными в ней должны быть и такие, в которых деривационное значение выражено словесным заместителем аффикса²⁰.

Значительное внимание уделено взаимоотношению слова и словосочетания в историческом аспекте. Еще И. И. Срезневский указывал на то, что источником сложного слова является словосочетание²¹.

Нельзя не согласиться, что в русском языке «очень сильна склонность к преобразованию при благоприятных лексико-семантических условиях словосочетаний в цельноформленные единицы — слова». Слово конденсирует в целостном означающем то, что может быть передано более сложным и уже с этой точки зрения (возможно) избыточным раздельноформленным означающим, т. е. сочетанием слов. Этим и объясняется, что мотивирующая основа сочетания вовлекается в словообразовательный процесс и способом аффиксации выражает значение, передававшееся ранее самостоятельным словом. Так возникают слова типа *молотилка, дежурка*, часть которых может соотноситься с эквивалентными сочетаниями (*дежурная комната*, но ср. «молотильная машина») ²². Сходна в известном смысле утрата соотносительности с сочетаниями и в субстантивированных прилагательных типа *часовой, столовая*, с тем различием, что в этом случае происходит процесс семантического включения определяемого компонента сочетания. Однако подобные факты исследуются обычно в диахронии и безотносительно к словообразованию.

2.2. Деривационное сочетание

Любое грамматически организованное и законченное сочетание слов имеет номинативную функцию²³. Однако важно выделить сочетания слов, коррелирующие с производными словами, являющиеся продолжением словообразования в синтаксисе.

В этом вопросе есть ряд предпосылок, обсуждение которых обычно приводит к спорам. Одна из них состоит в том, что именовать фрагменты мира, «кусочки» окружающей нас действительности может не только слово, но и сочетание слов и даже любой отрезок слов. И только предикативность, как мы согласились с этим выше, придает наименованию качество высказывания. Предложение не только называет, но и сообщает и выражает отношение ситуации и говорящего к действительности (модальность) и т. п.

Следовательно, не только слово, но и сочетание слов имеет номинативную функцию и является номинативной единицей. Это положение можно оспаривать, если не согласиться со словами Л. В. Щербы о том, что любое сочетание слов дает «не сумму смыслов, а новый смысл».

Но независимо от отвлеченных суждений о (не)номинативности сочетания слов процессы его взаимосвязи с отдельным словом конкретны и многообразны, а поэтому требуют соответствующего объяснения.

Следует различать два типа взаимоотношений словосочетания с отдельным словом. Первый вызван агрессивным поведением «более сильного» слова в отношении к «слабому». Возникают связанные значения, смыслы, которые обнаруживаются только в контексте. Эти сочетания слов вдут по пути исторического развития или синхронического бытия индивидуальных значений, это «единицы» номинативного инвентаря²⁴, самой малоорганизованной части словаря — лексики. Сюда относятся все «лексико-аналитические структуры», их особенностью являются «неспециализированные элементы, т. е. знаменательные слова, которые как бы по совместительству выполняют служебную функцию... (*работники прилавка, поднять тревогу* и т. п.) »²⁵. Второй тип отношений слова и словосочетания находится во власти наиболее организованной части словарного состава — не просто лексики, а лексики производной, во многом подчиняющейся грамматике словообразования.

Те сочетания слов, в которых разыгрываются семантические процессы, приводят к лексически связанным значениям и вливаются в русло фразеологии — лексического анализма, а те, в которых составляющие их слова соотносительны с морфемами производного слова и могут выступать как его синонимы или являются единственной возможностью именовать требуемый «фрагмент мира», передать значение отсутствующего производного слова, вливаются в русло словообразования — деривационного анализма²⁶.

Отдельные группы словосочетаний определенно указывают на связь с некоторыми типами деривационных значений и являются способом выражения этих значений, поэтому, установив, что есть морфологические сочетания, а также лексические сочетания (фразеологизмы), мы должны принять во внимание и сочетания в деривационной функции (в дальнейшем также деривационные сочетания).

Отсюда следует, что возможно описание сочетаний как одного из способов выражения типичных значений — грамматического (реляционного), лексического и деривационного. Это дает нам некую классификацию сочетаний как типа означающего, посредством которой мы в первую очередь отграничим сочетания, соотносительные с указанными выше несинтаксическими уровнями, от собственно сочетаний слов — синтаксических, «свободных» сочетаний.

Вернемся к морфологическому сочетанию. Это «сочетание служебного слова со знаменательным»²⁷, в котором «служебное слово самостоятельно или вместе с аффиксом знаменательного выражает грамматическое значение знаменательного слова»²⁸. Как правило, в нем одно из слов соответствует значению морфологического аффикса.

В одних случаях служебное слово является коррелятом морфологического аффикса, и тогда возникают коммуникативно эквивалентные (не исключающие нетождеств) параллельные формы, например, *богаче* — *более богатый*, в других оно является единственным средством выражения значения, которое может быть представлено, следовательно, только морфологическим сочетанием, например, *более ловкий*, *более гордый* и т. п. Но если быть

непротиворечивым, нельзя не увидеть тех же отношений между деривационными аффиксами и определенной группой «деривационных» слов. Атрибутивные сочетания порядка *богатый (старый, красивый) человек* соответствуют производным аффиксации — *богач, старик, красавец*, что подтверждается их активной речевой синонимикой. При словообразовательной недостаточности сочетание в деривационной функции — деривационное сочетание — явится важнейшим средством номинации лица по данному признаку, например, *мужественный (честный, пожилой) человек*. При семантической спецификации существительного (ср. *лихой человек* и *лихач, молодой человек* и *молодец*) сочетание выступит как номема, не связанная с однокоренным существительным.

Уже сама история развития аффиксации показывает, что ее современное состояние во многом определяется некоторыми исходными предпосылками. Эти предпосылки сыграли значительную роль в характере материализации понятия лица в группах родственных языков и конкретных языках. Укажем на то, что номинация лица должна непременно содержать указание на носителя данного признака, действия и т. д., т. е. человека (лицо). Сужение классифицирующего понятия здесь происходит не только за счет выделения его из широкой сферы предметности, но и за счет выделения его из более узкой и достаточно определенной сферы одушевленности.

В словном означающем возможны, таким образом, два основных пути: присоединение к производному слову самой лексемы со значением «человек» (лицо) в служебной функции или аффиксного ее эквивалента, который способен выразить данное значение. В германских языках был предпочтен именно первый путь. В древнеанглийском языке указание на лицо осуществлялось сложением с *mann* ‘человек’, в древнеисландском с *maðr* ‘человек’, *karl* ‘мужчина’ и др. В результате утраты лексической самостоятельности в составе слова в современных германских языках и возникли суффиксы, восходящие к лексически «прозрачным» единицам.

В славянских языках этот путь словной конденсации со значением понятия лица оказался нереализованным. В нашу задачу не входит анализ конкретных причин этого факта, который, безусловно, связан с общей спецификой различий в образующей структуре тех и других языков. Но, по-видимому, в данном случае не будет беспочвенным предположение, что трех- и двухсложность славянской лексемы *человек* (*czlowiek* (пол.), *човек* (болг.) и др.) при отсутствии ярко выраженной тенденции словосложения также могла быть препятствием для аналогичного процесса создания номинаций лица. Поэтому основы, не способные передать понятие лица посредством аффиксного (суффиксного) эквивалента, выражают его другими способами, одним из которых остается сочетание с лексическим выражением понятия лица (*отважный (мужественный) человек*, ср. также *коротыш, но высокий человек*).

Учитывая сказанное выше, в последующем мы будем исходить не из производного слова как одной из основных форм реализации номемы, а из ее формулы и структурной схемы, которые могут реализоваться в различных моделях.

2.3. Определяющие признаки деривационных сочетаний

Фразеологизмы — это лексические сочетания с индивидуальным выделением признаков, не поддающихся строгой регламентации ни со стороны образующей структуры, ни со стороны значений. Морфологические же (грамматические), а во многом и деривационные сочетания в отличие от лексических являются результатом языковой абстракции, для которой лексическая индивидуальность несущественна²⁹.

Морфологические сочетания и среди них «типовые» аналитические (морфологические) формы давно вовлечены в сферу грамматического анализа. В силу своей грамматической абстракции они исчисляемы в конкретном языке, и задача, как известно, состоит в том, чтобы дать им непротиворечивую характеристику как формам слова. С большей или меньшей определенностью выделяется и область аналитических лексических сочетаний³⁰.

Выделение деривационных сочетаний позволяет очертить и границы собственно словосочетаний, т. е. таких свободных сочетаний, которые являются объединением слов как отдельных номинаций и непосредственная функция которых состоит в выражении синтаксических значений³¹.

Деривационное (способное к абстракции, которая соответствует словообразовательной функции) слово *человек* в определенных сочетаниях, как и служебное грамматическое слово, объединяется с соответствующими группами суффиксов. Оно, безусловно, лексично, как лексично по своей сущности само словообразовательное значение. Но степень лексичности еще выше у частных словообразовательных значений, которые представляют собой как бы первую ступеньку лексического обобщения. Такое обобщение регулярно выражается посредством аффиксов и тем самым вовлекается в сферу словообразовательной семантики.

Лексичность деривационных слов обнажено выступает при сравнении с производными словами соответствующих им сочетаний: *мичуринец, ленинец* (ср. *последователь Мичурина...* и т. п.), *ленинградец, минчанин* (ср. *житель Минска...* и т. п.), *глазник, ушник* (ср. *глазной врач* и т. п.), *комсомолец, колхозник* (ср. *член комсомола*). На лексические различия частных значений указывают деривационные слова, а отчасти и суффиксы (*-(н)ик* в значении 'врач', *-ец, -анин, -ианец* в значении 'житель*', 'последователь', 'член' и др.)* Деривационная природа таких слов подтверждается способом аффиксации их значений во многих индоевропейских языках³².

Различие степени обобщенности деривационного слова *человек* и слов порядка *последователь, работник, мастер, житель, член* и т. п.— это различие между родовым и его видовыми понятиями³³. Но эти видовые понятия также обладают известной обобщенностью, так как вовлекаются в процесс последовательной словообразовательной конденсации. Все вместе они соответствуют той микросистеме значений лица, которые мы перечисляем в собственно словообразовании, при выделении различных моделей производных существительных с общим значением лица. Слово *человек*, а тем более самый абстрагированный показатель лица — *кто* (см. ниже) противостоят видовым деривационным словам, как в целом и сами суффиксы: ср., например, *-ик, -тель* и *-ун, -анин, -онок* и др. Как мы вынуждены частные лексические значения суффиксов рассматривать в системе означаемых словообразования, так и лексические значения соотносительных с ними деривационных слов включаются в систему означаемых номинативной деривации. Подчеркнем, что включение частного лексического значения в деривационную систему диктуется не характером самого значения (эта операция была бы лингвистически беспредметной), а его способностью к регулярной материализации словообразовательными средствами³⁴.

Значения деривационных слов в сочетаниях лишь частично накладываются на систему словообразовательных значений. Есть группы таких словообразовательных значений, которым нет соответствий в сочетаниях с деривационным словом. Это область словообразовательной конденсации, независимой по отношению к деривационным сочетаниям, подобно тому, как существует область синтетических словоформ, морфологические значения которых не находят соответствий в морфологических сочетаниях.

Словообразовательное значение, кроме того, имеет специфический паспорт как результат влияния аффикса на значение мотивирующего слова или целых подклассов слов. В деривационном сочетании это же денотативное содержание, будучи выраженным лексически отдельным словом, выступает в более самостоятельной и лексически конкретизированной модификации. Отдельность данного значения в деривационном сочетании — это один из тех элементов, актуализация которого может определить выбор сочетания из двух или нескольких коммуникативно эквивалентных номинаций. Сказав *житель юга* вместо *южанин*, мы выражаем не только стилистическое различие, хотя и весьма незначительное, но и эксплицитно оживляем сему *жить* (*тот, кто живет на*

юге), что особенно ясно чувствуется при инверсии — *юга житель*.

Лексически актуализованному плану деривационных сочетаний соответствует более абстрагированный план словообразовательной конденсации, что особенно четко проявляется в производных предметных номинациях. Абстрагирующая сила, например, суффикса -к- видна из того, что, помимо таких далеких значений, как женский род в одушевленных существительных, уменьшительность, он конденсирует в производном слове самые разные предметные понятия. Ср.: *керосинка* (лампа), *курилка* (помещение), *вечерка* (газета).

Все объяснения, касающиеся природы деривационного слова, приводят к выделению первого признака деривационного сочетания: один из его компонентов выступает в значении словообразующего аффикса (аффиксов). Второй важный признак деривационного сочетания — регулярность. Сочетание безусловно является деривационным, если одно из его слов регулярно соотносимо с формантом словообразовательного ряда производных слов. Сочетания порядка *иметь намерение* (*надежду, желание*) выражают глагольность посредством слова *иметь*, которая может быть выражена также и аффиксацией в соотносительных глаголах *намереваться, надеяться* и т. п. Те ряды сочетаний с отождествляющим лексическим компонентом, которые с большей или меньшей регулярностью соответствуют деривационному аффиксу, безусловно включаются в систему номинативной деривации. На границе этой системы стоят такие сочетания, которые не отвечают условию регулярности, например, *одержатъ победу* (*победить*), *принять решение* (*решить*)³⁵.

Если одно из слов сочетания не может выступить в качестве регулярного коррелята словообразовательного или реляционного аффикса, мы встретимся со свободным (синтаксическим) или устойчивым (лексическим) сочетанием. В этих случаях мы получаем некий формальный критерий различия между деривационными и синтаксическими сочетаниями. Так, сочетание *газированная вода* (*газвода, газировка*) нельзя уже считать деривационным, так как слово *вода* не является регулярным эквивалентом суффикса. Другие сочетания с этим словом (например, *подогретая вода, соленая вода* и т. п.) не перекодируются в словную модель с сохранением значения. Такие сочетания, как и сами нерегулярные, малопродуктивные аффиксы, не представляют существенного интереса в исследовании синхронии номинативной деривации³⁶.

Рассмотренные выше пары словных означающих и коммуникативно эквивалентных им сочетаний иллюстрируют различие между собственно лексическим и деривационным значением. Деривационное значение — это обобщенное лексическое значение, способное регулярно передаваться словообразовательным аффиксом, что не исключает и других способов его реализации.

Известная лексичность деривационных сочетаний, выходя за границы суффиксальных значений, расширяет сферу номинативной деривации, преодолевая и семантическую недостаточность способа словообразования — аффиксации.

Мы знаем, какие трудности вызывает грация устойчивых лексических сочетаний, многие группы которых по-прежнему ставят в тупик фразеологов. Не менее трудной явится задача идентификации деривационных сочетаний. Другого было бы нельзя и ожидать. Это противоречило бы самой природе языка.

Слово и сочетание — коррелирующие типы означающих. Некоторые лингвисты отмечают способность сочетаний «обозначать единые, хотя и расчлененные, названия действий — процессов, предметов, качеств-свойств... в самых разнообразных моделях словосочетаний всех разрядов»³⁷. И если одни из них в разной степени тяготеют к устойчивым сочетаниям (*оригинальный по форме, стерляжья уха*), то другие, обладая наиболее свободной валентностью входящих в них слов, являются свободными сочетаниями (*известный актер, богатый пиеницей*).

В некотором идеальном случае любому сочетанию слов может соответствовать отдельное «равнозначное» слово, что со всей очевидностью обнаруживается при

сравнении разных языков. И тем более любое слово в каждом языке «переводимо» в сочетании слов, с той разницей, что это сочетание слов не всегда выступает как реальная коммуникативная единица в речевой практике.

Все более известным становится такой метод анализа словообразовательной семантики производного слова, в основе которого лежит использование его раздельнооформленного смыслового эквивалента, его «семантической перифразы». Можно заметить, однако, что в одних случаях такие соответствия выступают как реальные коммуникативные единицы, а в других ими не являются. К первым относятся, в частности, сочетания порядка *(тот) кто скупой (скупец)* или *становиться белым (белеть)*, а ко вторым — выражения порядка *то (тот факт), что кто-то поет (пение), бытие гордым, то, что кто-то гордый (гордость)*³⁸ или даже, например, *совокупное крестьян (крестьянство), единица песка (песчинка), вместилнице сахара (сахарница)*³⁹.

Первые способны регулярно замещать производные слова, выступать как их синонимы. При словообразовательной недостаточности они могут оказаться единственным способом выражения производных значений (*становиться фиолетовым, (тот) кто щедр*). Один из компонентов подобных сочетаний всегда функционально соответствует словообразующему аффиксу (синонимичным аффиксам) реального или потенциально возможного слова. Данный компонент выступает как лексический способ представления классифицирующего значения, в целом «освоенного» аффиксацией данного конкретного языка и тем самым получившего статус словообразовательного значения. Именно поэтому он и является деривационным словом (изоморфным понятию служебного слова в грамматике).

Деривационное слово компенсирует «закрытость» моделей словообразовательной конденсации производных деривационных значений. Поэтому если нельзя признать деривационным словом, например, слово *вода* даже в коммуникативно маркированных (функционирующих) сочетаниях, поскольку оно способно аффиксироваться лишь в единичных случаях, то тем более нельзя признать деривационными словами *совокупность, единица, вместилнице* и т. п., так как перифразы, в которые они входят, вообще не выступают коммуникативными эквивалентами эксплицитно связанных с ними слов. Такие слова могут служить инструментом выделения «инвентаря словообразовательных значений» — дериватом, но ни в коем случае не входят в деривационную систему языка как реальную систему моделированного преобразования одних и тех же знаков для выражения производных значений частей речи. По отсутствию коммуникативной значимости перифразы, включающие такие слова, сближаются с несуществующими, хотя и потенциально возможными, словами тех же моделей, например *варенница* (но ср. *сахарница* и т. п.).

Для деривационного сочетания важно не просто указание на семантическую ориентацию аффикса (*москвич* — живет в Москве, *бедняк* — принадлежит к бедноте и т. д.), а его коммуникативное и модельное соответствие имеющимся в языке или потенциально возможным в нем рядам производных слов {*москвич* — житель Москвы, *бедняк* — бедный человек (в одном из значений)}.

Отсюда следует, что коммуникативная функция — такой же обязательный признак деривационного сочетания, как и цельнооформленной единицы, т. е. отдельного слова⁴⁰. Это третий отмечаемый здесь признак деривационного сочетания.

Остановимся подробнее на особенностях структуры означаемого деривационного сочетания, на том, что объединяет его со словообразованием по признаку эксплицитности производной номинации. Одни сочетания коммуникативно соотносимы со словом, обладая с ним некоторой материальной общностью языка (звуковой оболочки). Другие выступают как знаково «случайный», а значит, только как семантический эквивалент слова⁴¹.

Первые из них непременно указывают на связь с мотивирующим словом (эксплицитная связь) подобно любому производному слову. В отличие от производного

слова — результата словообразования, в котором мотивирующий элемент представлен как часть данного производного слова, в деривационном сочетании — результате аналитической деривации — мотивирующий элемент представлен отдельным словом. Но это отдельное слово, так же как и часть слова, характеризуется номинативной недостаточностью с точки зрения требуемого производного значения. Оно получает номинативную достаточность только в совокупности с другим, классифицирующим словом, функционально соотношенным с аффиксом или группой эквивалентных аффиксов в производных словах, объединенных с данными сочетаниями общим производным значением.

Эксплицитная связь, знаковое родство с мотивирующим словом — четвертый признак деривационного сочетания.

2.4. Деривационное сочетание как коммуникативный элемент слова

Следует различать такие сочетания слов, в которых классифицирующий (отождествляющий) компонент обладает достаточной регулярностью и тем самым функционально совпадает с выделяемым в синонимичных производных словах словообразовательным аффиксом, является показателем **однопорядкового** с ним значения (*комсомолец — член комсомола, столярничать — работать столяром* и т.д.), и такие, в которых этот компонент единичен или лексически индивидуален в каждом отдельном сочетании. В этом случае сочетание не включается в деривационную систему и выступает как обычный номинативный коррелят отдельного слова. К ним относится большинство устойчивых глагольных сочетаний. Их связь с отдельным глаголом строится на экспрессивно-семантических и стилистических отличиях, сосредоточенных в самом глагольном компоненте сочетания (ср.: *упрекать — осыпать упреками, завидовать — лопаться от зависти*)⁴². Следовательно, перифраза имплицитно соотношенная с отдельным словом, тем более не может быть отождествлена с деривационным сочетанием⁴³. Ближе к ним «квазиэллиптические» номинации, так как они обнаруживают эксплицитную связь с исходным сочетанием. Но они также не коррелируют со словообразовательными аффиксами и входят в систему семантических способов номинации⁴⁴.

Отсутствие однозначного соответствия между типом означающего и типом означаемого, которое приводит к тому, что возникает функциональная соотносительность между такими различными типами означающих, как морфема, слово и сочетание слов, в целом объясняется и независимо от деривационной системы тем, что существуют различные способы представления десигната. Однако в данном случае мы берем достаточно абстрагированную область языка, так как нас должно интересовать не конкретное вещественное содержание, а тип абстрагированного содержания, каким является и тип деривационных значений⁴⁵. Если не ориентироваться на типы означаемых и типы означающих и пытаться выделить все соответствия слов и сочетаний без этого ограничивающего фактора, мы окажемся в плену такого многообразия фактов, в котором трудно увидеть возможность системного их описания.

Системность отношений означающих позволяет увидеть закономерности отношений соответствующих им означаемых.

Эксплицитная связь между двумя равнозначными единицами, одна из которых является словом, а другая сочетанием слов, обычно ясно указывает на бинарность их номинативной структуры. При наличии общего материального знака, эксплицитно указывающего на равнозначность СС, различие других знаков, которое все-таки не препятствует равнозначности сравниваемых единиц, непременно укажет на разные способы выражения их деривационного значения.

Так, сочетание *выражать сомнение* равнозначно, точнее, коммуникативно эквивалентно глаголу *сомневаться* не только со стороны семантического, но и со стороны деривационного содержания. Означаемые обеих составляющих в данных единицах хотя и

выражены разными способами, но связаны и общим материальным знаком. Инородный знак появляется в сочетании, где КС представлена посредством глагольного аффикса в лексически отдельном слове *выражать*. В сочетании семантические нагрузки между его единицами перераспределяются таким образом, что позволяют говорить о его коммуникативной эквивалентности по отношению к слову, но, очевидно, не дают полного тождества. Вот почему мы предпочитаем в подобных случаях термин «коммуникативная эквивалентность».

Не рассматривая специально здесь данный вопрос, отметим большую грамматическую емкость сочетания. Ср. *выражать* и *выразить сомнение*, т. е. способность различать вид, которой не обладает глагол *сомневаться*. Наличие общего знака в сравниваемых единицах помогает дать лингвистическое описание этих различий. Например, семантическое нетождество слова и сочетания можно увидеть в известной лексичности глагола *выражать*, а также в субстантивном представлении понятия, проецируемого в глагол, которое в сочетании займет позицию объекта. Как правило, в подобных условиях всегда более или менее заметно присутствует и стилистическое нетождество.

Эти нетождества объясняют наличие рядов сочетаний, коммуникативно эквивалентных отдельному слову: *выражать* (восторг, недоумение, радость, удивление...) — *восторгаться, недоумевать* и т. п. Продолжение, большая регулярность такого ряда сочетаний, объединенных общим значением глагольности, в условиях, когда сочетанию в языке нет словного соответствия в этом значении, например *выражать признательность, уверенность* и др., лишь подчеркивает их деривационную функцию.

Главное, что здесь должно учитываться, это классифицирующая абстракция, которая не затрагивает конкретного, понятийного содержания номинаций и совпадает с деривационной абстракцией в словном означаемом.

Известная лексичность означаемого КС, в данном случае глагола *выражать*, не исключает его абстракции, которая поддерживается регулярной деривационной функцией. Эта лексичность выступает как созначение, которое сопровождает значение глагольного аффикса. Ведь и сам словообразовательный аффикс также может иметь свои лексические созначения (ср. созначения 'заново' и 'все' префикса *пере* в глаголах типа *перечитать, пересмотреть*). Лексичность деривационного слова в деривационном сочетании не представляет ничего чуждого номинативной деривации.

2.5 Деривационное сочетание и номинативная системность

Системная организация номинативного состава языка создается главным образом за счет развития одних и тех же его материальных элементов. Достаточно четко эта эксплицитная системность проявляется в словообразовании, в его живых, продуктивных моделях. Постепенное усложнение одной и той же корневой морфемы за счет классифицирующих морфем — словообразовательных аффиксов позволяет ей представлять свое понятийное содержание в разных классах номинаций. Но полной номинативной системностью обладают деривационные сочетания, так как они в отличие от производных слов образуются от каждой мотивирующей основы, т. е. обладают абсолютной регулярностью.

Однако, как и производные слова, сочетания, являющиеся целостными помипациями, также участвуют в «нарушении» системности. Сюда относятся устойчивые сочетания. Их значения возникают как следствие сочетаемостных свойств слов и не являются функциональным продолжением словообразовательной семантики.

Собственно фразеологизмы, сочетания с яркой образностью, порядка *у черта на куличках, хуже горькой редьки, вылететь в трубу*, выступают как индивидуальные соответствия слову, не связанные с ним отношением мотивации. Они включаются в систему регулярного порождения производных или равнозначных номинаций и уподобляются словам, которые деэтимологизировались или развили в себе идиоматич-

ность (сема «шриффт» в слове *наборщик*, сема «враг» в слове *перебежчик* и т. п.).

Деривационное же сочетание обладает всеми отсутствующими у собственно фразеологизма признаками. Оно выступает как регулярная и продуктивная номинация, которая при отсутствии равнозначного производного слова восполняет недостаточность словообразования.

Деривационное сочетание объединяется и идентифицируется со словообразовательными подклассами производных слов. Его номинативная целостность достигается присоединением к мотивирующему значению нового деривационного значения; отсюда следует, что она достигается иным путем, чем номинативная целостность фразеологизма. Устойчивость деривационного сочетания меньше всего может быть объяснена непосредственно ограничением составляющих его слов.

Важным конструирующим элементом деривационного сочетания является деривационное значение, как и в производном слове; выделяемость деривационного значения в сочетании диктуется формальным критерием — его функциональной соотносительностью со словообразовательным аффиксом. Основным же конструирующим элементом лексического устойчивого сочетания является семантическое значение (СС).

Но, указывая на некоторые важные различия, мы, собственно, уже отметили и существенный общий признак для деривационного и лексических устойчивых сочетаний — их номинативную целостность. Различие сочетаний по степени их номинативной целостности очевидно. Нам представляется, что дискутируемый вопрос о номинативности сочетания ⁴⁶ получит более определенное освещение, если мы согласимся с тем очевидным фактом, что эта целостность достигается конденсацией не только нового семантического, но и нового деривационного содержания. Деривационное сочетание, регулярно соответствуя реальному или хотя и отсутствующему, но должному быть производному слову, конечно, является целостной номинацией. Ни у кого нет сомнений, что номинативно целостной единицей является лексическое устойчивое сочетание.

Труднее говорить о номинативной целостности лишь собственно сочетаний, т. е. таких синтаксических сочетаний, в которых лексическая сочетаемость входящих в него слов является свободной. Каждое слово в таких сходных по этому признаку сочетаниях всегда регулярно выступает как лексически отдельная единица, оно несопоставимо со словообразовательным аффиксом и, следовательно, «не вписывается» в систему деривационных средств. Наряду с понятийной целостностью здесь всегда сохраняется номинативная и деривационная самостоятельность и расчлененность составляющих сочетание слов ⁴⁷. „Собственно сочетание (словосочетание) — синтаксическая единица, которая представляет собой организацию слов, не сводимую в данном конкретном языке к цельноформленному единству, хотя бы и только к мыслимому.

Факт производимости именно деривационного значения в определенных группах сочетаний подтверждается не только их корреляцией с производным словом, но и последовательным выражением этого значения сочетанием в случае отсутствия словообразовательных коррелятов. Поэтому мы можем говорить о деривационной функции не только сочетаний порядка *богатый человек, смелый человек*, которые могут иметь в одном из значений словообразовательные корреляты (*богач, смельчак*), но и таких сочетаний, как *мужественный человек, сердечный человек* и т. д., которые их не имеют. Хотя возможные суффиксные формы «мужественник», «сердечник» (в данном значении) и отсутствуют, требуемое значение выражают представляющие их сочетания. В отличие от возможного производного слова в деривационном сочетании лексически выключены мотивирующий и деривационный компоненты, т. е. производящее слово и слово деривационное. Это создает основу синонимических отношений между производным словом и коммуникативно эквивалентным сочетанием.

Коммуникативная эквивалентность разных типов означающих возможна при совпадении означаемых обеих составляющих номемы, как бы они ни были выражены. Но вхождение разных типов означающих — слов и сочетаний — в некий один подкласс

производных номинаций основано на регулярности и продуктивности их моделей в общем значении. На этом основании номинативный подкласс личного субстантива включает не только личные существительные, но и равнозначные деривационные сочетания, и, что особенно важно, в него входят такие сочетания, которые идентифицируются по значению лица, но не имеют словообразовательных коррелятов, т. е. соотносительных производных существительных.

Это же положение распространяется и на другие номинативные классы. В соответствующие группы входят, например, не только корреляты порядка *последователь Мичурина* — *мичуринец*, но и несоотносительные, но идентичные сочетания *последователь Иоффе* и т. д., не только корреляты порядка *выражать надежду* — *надеяться*, но и сочетания *выражать признательность* и т. д. Нет необходимости доказывать, что идентификация сочетаний, коммуникативно эквивалентных соответствующим группам производных слов, оправдана с точки зрения и прикладной, и теоретической лингвистики.

Выделение деривационных сочетаний не затрагивает автономии свободных сочетаний. Есть область разнообразнейших тех же атрибутивных сочетаний, в которых не может быть преодолена расчлененность обозначения предмета и мотивирующего его признака. В этом случае может оказаться невозможной словообразовательная конденсация ни в одном из сочетаний с общим (отождествляющим) лексическим компонентом. Например, сочетания порядка *богатый урожай* (*бедный урожай*, *осенний урожай*, *ранний урожай* и т. п.) даны вне отношения к производным словам как результату словообразования. Здесь означаящим «единого, хотя и расчлененного предмета и его качества» обычно может быть только свободное сочетание. Это и понятно. Родовое обозначение лица (человек) и отчасти видовые его обозначения представляют известную и в определенном смысле «высокую» абстракцию по сравнению с обозначением огромного разнообразия предметов.

Перечисление многочисленных других атрибутивных сочетаний с общим определяемым «предметом» в целом указывает на господство синтаксического означаемого — свободного сочетания⁴⁸.

Наконец, еще более неограниченную в русском языке область атрибутивных сочетаний, не связанных с системой деривации, мы получаем при вторичной детерминации, когда сочетание как целостное название объединяется с новым определяющим словом. Сюда широко включаются и обозначения лица по какому-либо признаку. Так, первичная детерминация может иметь словное соответствие: *часовой мастер* — *часовщик*. Вторичная детерминация, как правило, возможна только в форме сочетания: *опытный часовой мастер* — *опытный часовщик* и т. д.

В целом же сфера собственно сочетаний, как синтаксических означаемых, без труда может быть выделена в самих атрибутивных сочетаниях в пределах даже только определяющего компонента. Например, в сочетаниях типа *синие от холода руки*, *необходимое для отдыха время*, *неизвестный по происхождению источник* и т. д. само определяющее — также сочетание, которое входит в более сложное атрибутивное сочетание. Все это показывает, что собственно сочетание — синтаксическое означаемое — достаточно четко обособляется от тех сочетаний, которые функционально соотносительны с отдельным словом.

Итак, мы находим сочетание в деривационной функции там, где оно входит в достаточно регулярный ряд структурно тождественных сочетаний с отождествляющим компонентом — эквивалентом аффикса — и совпадает с производным словом от той же основы в общем значении. При отсутствии производного слова сочетание как способ выражения деривационного значения компенсирует словообразовательную недостаточность аффиксации, т. е. собственно словообразования.

Производные слова от многих основ не появляются вообще и образуют тем самым закрытые модели, деривационные же сочетания обладают, как уже указывалось, абсолютной регулярностью. Так, приблизительно из 150 реальных в современном русском языке

прилагательных с суффиксом *-лив-* (в словаре Бильфельдта их 160) только в 34 случаях деривационному сочетанию может соответствовать словообразовательный эквивалент, как, 'например, *молчаливый человек* — *молчун*, *крикливый человек* — *крикун* и т. п.⁴⁹. Если принять во внимание, что приблизительно 18 слов из этого списка указывают на признак, логически несовместимый с понятием лица (*дождливый*, *удойливый*), то около 98 прилагательных выразят производное значение способом сочетания в деривационной функции: *брезгливый* (*пугливый*, *догадливый*, *справедливый*, *стыдливый*) человек; (*тот*) кто *брезглив* (*пуглив*,...) и т. п.

Эта закономерность в целом распространяется и на другие модели прилагательных, хотя их способность в данном значении может заметно варьировать. Например, прилагательные с суффиксом *-ив-* порядка *ленивый*, *ревнивый* с большой регулярностью дают производные суффиксные формы (*ленивец*, *ревнивец*...). Однако ср. *кичливый*, *учтивый* и т. п., где с точки зрения современной нормы имеет место словообразовательная недостаточность. Прилагательные же с суффиксом *-чив-* вообще не аффиксируются в значении лица (ср. регулярную аффиксацию в отвлеченном значении: *влюбчивость*, *забывчивость*, *находчивость*...). Номинация лица посредством деривационного сочетания в этих случаях является одним из важнейших факторов речевой ономазиологии: *отзывчивый*, *обидчивый* (ср. *обидчик*), *влюбчивый*, *отходчивый*, *усидчивый*... человек; (*тот*) кто *отзывчив* и т. п.

Выделяя сочетания, деривационно соотносящиеся с производным словом, мы тем самым ставим себя перед необходимостью идентификации единиц разных уровней, объединяемых общностью значения. Нас не должно смущать то обстоятельство, что слово, которое обычно обладает свойством воспроизводимости и, несомненно, является «центральной фигурой» языка, с этой точки зрения выступает лишь как один из способов выражения производных деривационных значений. Но ведь и номинативная единица любой структуры, обладая содержанием, эквивалентным слову, является лингвистическим объектом, как и само слово. Кроме того, в случае отсутствия словного означаемого, т. е. в условиях, когда именно сочетание является единственным или предпочтительным модельным средством номинации некоего целостного понятия (*кичливый человек*, *становиться хрупким*... и т. п.), оно по степени воспроизводимости приближается к отдельному производному слову. Надо не забывать, что воспроизводимость — свойство не только слова. Ею обладают такие лексические сочетания, как фразеологизмы, и не обладают окказиональные слова.

Более важно, чем различие образующей структуры, то, что способно объединить слово и словосочетание. Их объединяет возможность участия в выражении одного класса значений. В этом отношении слово в процессе коммуникации является в такой же степени речевой единицей, как и словосочетание.

Сближение структурно разных моделей на основе единства означаемого позволяет выделить типизированные модели сочетаний, соотносительные с моделями производных слов, полученных посредством аффиксации. В частности, подчеркивая коммуникативную эквивалентность «форм» *богач* и *богатый человек*, мы не можем не заметить, обращаясь к самой речи, что в инвариантном общем значении им может соответствовать и сочетание (*тот*) кто *богат*. В группах производящих единиц, не способных образовать производные посредством аффиксации, эта модель является одной из важнейших в данном субстантивном значении. Она, как и другие, возможна не только в именном, но и в глагольном содержании. Ср. коммуникативно эквивалентные *знаток живописи* и (*тот*) кто *знает живопись*, но только (*тот*) кто *изучает живопись*⁵⁰.

Таким образом, даже только с точки зрения номинативной функции мы сталкиваемся в речевой действительности с необходимостью рассмотреть сочетания, коммуникативно эквивалентные с реальным или возможным, но отсутствующим в языке словом. Но корреляция слова и сочетания, а также других способов номинации не ограничивается задачей обозначения одного и того же денотативного содержания. Она приводит к

совершенно обязательной дифференциации коннотативных значений. Поэтому мы говорим лишь условно об эквивалентности, называя ее коммуникативной.

2.6. Деривационное сочетание в отношении к понятиям «морфологическое сочетание» и «аналитическая форма»

Пока деривационные сочетания мы выделяли главным образом по их деривационной функции, не рассматривая их структуру в отношении к понятиям «морфологическое сочетание» и «аналитическая форма». Между тем вопрос о морфологических сочетаниях, как и о лексических (фразеологизмах), совершенно закономерно решается не только в плане их функциональной сопоставимости соответственно грамматическому или лексическому значению, но и в плане строения их означающих, которые, с одной стороны, сравниваются с отдельным словом, с другой — со свободным сочетанием слов. С этих позиций должно быть рассмотрено и деривационное сочетание, если оно претендует на какую-то самостоятельность в системе сочетаний — более сложных знаковых единств по сравнению с цельнооформленным словом.

Исследование аналитических конструкций в морфологическом значении, как известно, приводит к более или менее согласованным выводам относительно их образующей структуры. Обычно выделяется ряд признаков, которыми аналитическая конструкция (будем пока иметь в виду морфологическое сочетание типа *более красивый (красивее)* или *хочу говорить*) отличается от свободных сочетаний.

1. В морфологических сочетаниях составляющие компоненты не равноценны в том отношении, что один из них является полнозначным и переменным, а второй — служебным и постоянным. В деривационном сочетании также один компонент является полнозначным и переменным — это производящее слово, заключающее в себе семантическое содержание номинации, а второй — деривационным и постоянным — это слово, функционально соответствующее словообразовательному (а не грамматическому, как в морфологическом сочетании) аффиксу. Различие между данными единицами состоит лишь в том, что они выражают значения разных уровней — грамматические (словоизменяемые) и деривационные (словообразовательные).
2. В морфологических сочетаниях составляющие компоненты образуют неразложимую, целостную морфологическую единицу, которая соответствует форме слова, а в деривационных сочетаниях — целостную деривационную единицу, которая соответствует производному слову. Деривационная целостность — это и синтаксическая целостность, которая обнаруживается при синтаксическом членении (по членам предложения). Это будет иметь место не только в единицах, вовлеченных в синтаксическую фразеологизацию типа *кто ищет, тот всегда найдет*, но и в свободных синтаксических единицах, например *кто сомневается, может проверить еще раз*. Как деривационное сочетание *кто ищет*, так и деривационное сочетание *кто сомневается* выступают как один субстантивный член предложения. Возможность иного членения мы исключаем, так как деривационное сочетание соответствует отдельному слову (*сомневающийся может проверить*; ср. также *кто любит искусство и любитель искусства*).
3. Как и служебное слово, деривационное слово может быть омонимом слова в лексически самостоятельной функции. Ср., например, *Кто сомневается, может...* и *Кто сомневается?*, *Он богатый человек* и *Человек — это звучит гордо*. Аналогичное расщепление знаменательной и служебной функции мы видим в сфере грамматики.
4. Как значение служебного слова в морфологическом сочетании, так и значение деривационного слова в деривационном сочетании не зависит непосредственно

от лексического значения полнозначного слова.

5. Оба компонента деривационного сочетания, как и морфологического, образуют такое интонационное единство, в котором деривационное слово подчинено самостоятельному, что выражается в порядке слов и ослаблении ударения зависимого слова.
6. Как морфологическое сочетание отличается от словной морфологической формы (словоформы), так и деривационное сочетание отличается от словной деривационной формы (производного слова) «внешним» структурным признаком — раздельнооформленностью.
7. Как и морфологическое сочетание, деривационное сочетание не является простой суммой составляющих компонентов, это целостная единица, подобная многоморфемному отдельному слову⁵¹.

Деривационные сочетания подчиняются противопоставлению понятий «сочетание» и «аналитическая форма», которое проводится в грамматике. Суть этого противопоставления состоит в том, что одни морфологические сочетания не входят в парадигматический ряд с синтетическими формами, а другие входят. Аналитическими формами признаются лишь последние⁵². С этой точки зрения, из сочетаний *хочу говорить* и *буду говорить* аналитической формой признается только последнее, поскольку оно входит как обязательный компонент в парадигму времени, которая, кроме него, заполняется синтетическими формами. Более того, М. М. Гухман конструкцию «модальный глагол + инфинитив» в немецком языке, например *ich will schreiben*, не считает аналитической и по той причине, что «значение данного сочетания равно сумме его компонентов»⁵³. Нельзя не согласиться с тем, что особенно первое условие является конструктивным порогом, который разделяет многообразие морфологических сочетаний на две части.

Деривационное сочетание также может определяться в отношении к указанному критерию аналитичности. Но если содержание грамматической категории реализуется в относительно несложной и четкой парадигме, то содержание деривационной категории, как обобщения лексического характера, дает в целом более сложную и многообразную систему, которая вряд ли может быть охарактеризована на основе одного, хотя и достаточно определенного, критерия. Здесь во всей полноте открывается качественное различие между грамматической и деривационной абстракцией, а значит, соответственно и их парадигматикой.

Многозначность и относительная сложность системы аффиксов отражают сложность системы деривационных значений, что и понятно, поскольку они представляют более отвлеченный уровень самих лексических значений. Характерно, однако, что и в самой грамматике выделение компонентов парадигмы той или иной категории не всегда бесспорно и однозначно. Так, в частности, наряду с традиционно выделяемыми тремя формами времени в русском языке, некоторые авторы находят в нем и другие формы⁵⁴. Так же обстоит вопрос и с классификацией наклонений и других морфологических парадигм. Пересмотр традиционного, принятого в русской лингвистической систематике понимания самой сущности грамматической категории, безусловно, должен отразиться на понимании морфологической парадигматики⁵⁵.

Нужно иметь в виду, что фактический состав выделяемых единиц парадигмы не слишком существен в том смысле, что он определяется самим аспектом классификации и в известном отношении может быть условным. Но если грамматика не ставит нас перед проблемой самой сущности парадигматического значения и способов его выражения, то с этой точки зрения деривационная парадигматика представляет большие трудности.

Можно усомниться в целесообразности перечисления и идентификации всех частных деривационных значений и способов их выражения. Однако очевидно, что в деривационной парадигматике вполне реально учитывать те деривационные значения, которые фиксируются соответствующей системой словообразовательных аффиксов при

рассмотрении словообразования частей речи. Установление словных заместителей данных аффиксов определит реальную деривационную парадигматику, не скованную рамками синтетического слова.

Вопрос об отношении деривационных сочетаний к понятию «аналитическая форма» в строгом смысле может решаться с учетом их взаимосвязи с производными словами.

Нужно учитывать, что выделяется три подмножества производных номинаций: 1) деривационное сочетание, соотносительное со словом; 2) деривационное сочетание, не имеющее соотносительного слова; 3) слово, не имеющее соотносительного деривационного сочетания.

Деривационное сочетание, соотносительное со словом, не являясь единственным означающим, не удовлетворяет строгому понятию аналитической формы. Оно изоморфно только понятию морфологического сочетания в грамматике. Деривационное сочетание, не имеющее функционально соотносительного производного слова или другого параллельного способа выражения данного значения, являясь тем самым единственным его означающим, аналитично по отношению к конкретной мотивирующей единице. Из глагольных сочетаний *становиться толстым* и *становиться тонким* второе аналитично в отличие от первого, так как его значение не может быть выражено способом аффиксации (ср. *толстеть*). Однако в данном случае мы имеем по существу аналитизм отдельной производной номинации. Эта закономерность продолжается и в производных личных субстантивах, с той разницей, что здесь активнее выступают другие способы выражения коммуникативно эквивалентных производных (ср.: *толстый человек, толстяк, толстый; тонкий человек, тонкий*).

Таким образом, стремление рассмотреть деривационное сочетание в отношении к принятому понятию аналитической формы в «узком» смысле помогает увидеть различия между аналитизмом деривационным и грамматическим.

Выделение деривационных сочетаний как способа выражения деривационных значений восполняет недостающее звено в системе отношений «языковые значения и способы их выражения». Мы имеем в виду основные типы значений, которые, как различные качества абстракции, характеризуют любое полнозначное слово,— это лексическое, грамматическое и деривационное значения. Каждое из этих значений может материализоваться, в частности, и в границах только словосочетания, которое, соответствуя номеме, включается в номинативную систему как естественное продолжение, группирующееся вокруг номинативного ядра — словарного состава.

Словосочетание, являясь специальным средством для выражения свойственных ему синтаксических значений, может выступать и как целостная номинативная единица, входящая в конкретном языке в один класс с цельюоформленными словами, совпадая с ними в своем «словообразовательном», деривационном значении.

Выделение наряду с морфологическими и лексическими деривационных сочетаний указывает на всеобщий характер взаимосвязи словосочетания и слова как типов означающего. Означающим каждого компонента номинативной единицы — лексического, общедеривационного (части речи) и грамматического — может быть не только морфема (морфемы), но и отдельное слово. Если носителем значения является морфема, то производная номема «поместится» в отдельном слове. Если же хотя бы одно из значений, например новой части речи, будет выражено служебным словом — деривационным словом, производная номема совпадает с сочетанием слов.

2.7. Семантика производных слов и деривационных сочетаний

Интерес к классифицирующей, а не только к индивидуальной — собственно лексической — семантике слова естественно обострил внимание дериватологов к производным словам. И первым основным и убедительным итогом такого внимания явилось открытие в них сложной «расчлененности смысловой структуры»⁵⁶. Понятие

«словообразовательное значение» оказалось слишком общим, появились классификации значений разных степеней абстракции. Вероятно, номинативный, семасиологический и коммуникативный аспекты исследования ждут своего развития в системе не только лексических⁵⁷, но, в частности, и словообразовательных значений.

Деривационные сочетания представляют собой один из важнейших инструментов выделения и систематики значений производных слов, как, безусловно, они являются и средством выражения этих значений⁵⁸.

Коммуникативная эквивалентность, которая проявляется в способности замещения сочетанием производных аффиксации при сохранении общего смысла, уже указывает на его связь со словообразованием. Но при отсутствии производных аффиксации, когда сочетание может оказаться единственным средством выражения требуемого производного значения, оно уже включается в деривационную систему не как синоним производного аффиксации, а как единственный способ деривации производных значений.

Так как в сочетании мотивирующая единица сохраняет свою отдельность, здесь не возникает тех препятствий, в частности и морфонологического характера, которые возникают при создании цельнооформленного производного слова. Это обеспечивает свободу, например, номинации лица посредством сочетания как по непроцессуальному, так и по процессуальному признакам. Благодаря этому мотивирующие части речи — прилагательное и глагол — выступают в постоянной живой корреляции с мотивированным подклассом производных номинаций.

Раздельнооформленность сочетаний как способа создания производной номинации обеспечивает большую свободу для выражения разных категориальных значений в одном и том же лексическом содержании, независимо от принадлежности мотивирующей единицы к глаголу или имени. Сочетание с деривационным словом *кто*, мотивированное не только глаголом, но и прилагательным, включает в себе определенные глагольные значения (ср. значение настоящего времени и индикатива в *кто хитрит* и *кто хитер*). Следовательно, если некое лексическое содержание представлено в языке только прилагательным (нет глагола той же основы), способ деривационного сочетания восполнит эту недостаточность мотивирующих единиц и даст требуемую номинацию с актуализацией необходимых значений глагольности (*кто щедр, кто честен* и т. п.). В свою очередь сочетание с деривационным словом *человек* (или *лицо*), морфемным соответствием которого в словообразовании являются суффиксы лица, мотивированное не только прилагательным, но и глаголом, включает в себе определенные непроцессуальные, атрибутивные значения в той степени, в какой они свойственны причастию, которое конструирует номинации лица в данной модели сочетаний от глагольных основ. К этому в целом и сводится (кроме стилистического) нетождество совпадающих по общему смыслу сочетаний порядка *лица, увлекающиеся (спортом)* и *(те) кто увлекается (спортом)*.

Актуализация значений разных мотивирующих классов в деривационном сочетании особенно наглядно выступает в его парадигматических формах. Сочетание, мотивированное прилагательным, способно актуализировать значение сильного (маркированного) члена глагольной оппозиции (*кто честен — кто был честен*) а сочетание, мотивированное глаголом, — соответствующее значение атрибутивной оппозиции (*лица, увлекающиеся — лица, более увлекающиеся*).

То, что сочетание как номинация лица образует парадигмы с актуализацией значений других классов слов, отличает его от производных аффиксации. Но это отличие не затрагивает самой номинативной функции сочетания. Реальным подтверждением тому является коммуникативная равнозначность сочетаний в их исходной форме с производными аффиксации (*хитрецу [хитрому человеку/тому, кто хитер, нельзя доверять]*). Тем более, как уже указывалось, сочетание может явиться абсолютно необходимым (ввиду отсутствия производного аффиксации) способом номинации лица (*честному человеку /тому, кто честен, можно доверять*).

Разумеется, для автономии деривационных сочетаний, выделяемых из всей совокупности сочетаний слов, обязательны рассмотренные выше их конструктивные признаки, которые указывают на их соотнесенность с морфологическими сочетаниями. Коммуникативная эквивалентность сочетания и слова сама по себе ставит проблему семантической равнозначности независимо от ее обязательной связи с номинативной деривацией.

Таким образом, отличие деривационного сочетания от производного аффиксации — цельнооформленного слова — не исключает их функционального единства и не должно препятствовать тому, чтобы рассматривать их в тесной связи друг с другом. Важной частью этого единства являются также однословные производные, полученные несловообразовательными способами номинативной деривации.

Примечания к главе II

¹ Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова.— М., 1981, с. 44—45.

² При Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР в свое время была создана проблемная группа по вопросам морфологической структуры слова. После дискуссии, проведенной в 1963 г., была издана коллективная монография «Аналитические конструкции в языках различных типов» (М.—Л., 1965), в предисловии к которой ставилась дальнейшая задача создания коллективными усилиями «общей грамматической теории слова».

³ *Виноградов В. В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии.— В кн.: Вопросы теории и истории языка., 1952, с. 112 и др.

⁴ *Стеблин-Каменский М. И.* Грамматика норвежского языка.— М.—Л., 1957, с. 2.

⁵ *Смирницкий А. И.* Аналитические формы.— *Вопр. языкознания*, 1956, № 2; *Жирмунский В. М.* О границах слова — *Вопр. языкознания*, 1961, № 3; *Нелисов Е. А.* Аналитическая форма слова в системе соотносительных единиц.— Курск, 1980, с. 22 и др.

⁶ Эти вопросы находят свое отражение в многочисленных изданиях. См.: *Вопросы фразеологии*.— Самарканд, 1979, вып. 14; *Жуков В. П.* Семантика фразеологических оборотов.— М., 1978; *Янкоускі Ф. М.* Беларуская фразеалогія.— Минск, 1981; *Jleneuiatj I. J.* Эты-малапчны слоунік фразеалапзмау.— Минск, 1981. См. также статью «Несвободные сочетания, их соотношение со свободными сочетаниями и отдельным словом».— *Науч. докл. высш. школы: Филол. науки*, 1964, № 2.

⁷ О разнообразии источников и «специфичности фразеологического компонента» см.: *Телия В. Н.* Типы языковых значений: Связан. значение слова в языке.— М., 1981, с. 14, 17, 154 и др.

⁸ Проблема «асимметрии языкового знака» нуждается в дальнейшем исследовании и описании всех проявлений этого важнейшего закона в системе языка, отдельные из которых отмечены С. Карцевским. См.: *Карцевский С.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака.— В кн.: *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1965, ч. 2, с. 90.

⁹ *Реформатский А. А.* Введение в языковедение — М., 1967, с. 318.

¹⁰ Выделение словообразовательного значения (значений) как обязательного компонента семантической структуры полнозначного слова считают необходимым Е. А. Земская, Б. Н. Головин, В. В. Лопатин и др. См. также: *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение.— М., 1967, с. 24.

¹¹ Относить эти значения, как «нечто лежащее вне языка», к лексическим, противопоставляя их синтаксическим, можно лишь при общем рассмотрении фактов, когда различие неграмматических классифицирующих и собственно лексических значений слова несущественно.

¹² Такое общее определение мы находим в «Основах построения описательной грамматики современного русского литературного языка» (М., 1966, с. 51): «Словообразовательное значение, т. е. значение, выраженное с помощью форманта у части слов данного класса (части речи), занимает промежуточное положение между лексическим значением отдельного слова и грамматическим значением, выраженным у всех слов данного класса». См. также: Грамматика современного русского литературного языка.— М., 1970, с. 37; Русская грамматика.— М., 1980, т. 1, с. 135.

¹³ Вопросам толкования словообразовательного значения посвящена большая литература. В каждом определении подчеркивается то, что кажется наиболее важным ее автору, но это не исключает главного — объективности этого значения, которое объединяет группы лексически разных, но словообразовательно одинаковых единиц. И, безусловно, правильно, что это значения «общие для производных данного типа» (Е. А. Земская), «обобщающие категориальные значения» (Е. С. Кубрякова), «обусловленные семантическим (категориальным) взаимодействием единиц производных и производящих» (В. Н. Хохлачева). Трудно лишь согласиться с мнением, что «семантическим объектом, который» подлежит ведению словообразования, является не значение производного и не пара «значение производного» и «значение производящего», а та функция, то отношение, которому эта пара принадлежит». См.: Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис.— М., 1980, с. 7.

¹⁴ П. А. Соболева приходит к выводу, что 16 общих словообразовательных значений не отражают разнообразия семантических отношений, и обращается к частным словообразовательным значениям {Соболева П. А. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук — М., 1970).

¹⁵ Сочетания *железная дорога*, *белый гриб*, безусловно, являются аналитическими наименованиями, но это аналитизм лексического, фразеологического порядка, так как не заключает в себе обобщений, СВОЙСТВЕННЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ (Языковая номинация: Общие вопросы — М., 1977, с. 71; Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова.— М., 1981, с. 22—23.

¹⁶ Левит З. Н. О понятии аналитической лексической единицы.— В кн.: Проблемы аналитизма в лексике. Минск, 1967, с. 6—9; *Он же*: К проблеме аналитического слова в современном французском языке.— Минск, 1968.

¹⁷ Михневич А. Е. Словосочетание с однословными синонимами.— В кн.: Проблемы аналитизма в лексике. Минск, 1976, с. 71.

¹⁸ Гюбенет И. В. Аналитическая лексическая единица и ее синонимы.— Там же, с. 61.

¹⁹ Это приводит к досадным противоречиям. Указывая, что некоторые лингвисты (В. М. Никитевич) снимают ограничение словообразовательного значения пределами слова, Р. С. Манучарян, не заявив, как же он к этому относится, своим конкретным анализом фактически подтверждает выводы «некоторых лингвистов». Ему приходится согласиться, что одни и те же словообразовательные категории объединяют разные форманты и даже неаффиксальные средства. См.: Манучарян Р. С. Проблемы исследования словообразовательных значений и средств их выражения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук.— Ереван, 1975.

²⁰ Ср.: Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия.— М., 1980.

²¹ Сб. Отделения русского языка и словесности.— Спб., 1873, т. 10.

²² Прокопович Н. Н. Словосочетание в современном русском литературном языке.— М., 1966, с. 57.

²³ Арутюнова Н. Д. Синтаксис.— В кн.: Общее языкознание. М., 1972, с. 267—270. См. также: Тулина Т. А. Типология словосочетаний как номинативных единиц.— В кн.: Словообразование и номинативная деривация в славянских языках, ч. 1, с. 138.

²⁴ Телия В. Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости.— В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 250 и др.

²⁵ Гак В. Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения: Дис. ... д-ра

филол. наук.— М., 1967, с. 459.

²⁶ Объединение в одном ряду как «типов номинации» сочетаний порядка *тот, кто беден* и *железная дорога* стирает принципиальное различие между способами номинативной деривации и семантическими процессами. Ср.: Федорова М. В. О типах номинаций в русском языке.— *Вопр. языкознания*, 1979, № 3.

²⁷ Стеблин-Каменский М. И. Грамматика норвежского языка, с. 21.

²⁸ Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях.— В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.— JL, 1965, с. 7.

²⁹ Поэтому ономазиологический подход «расширяет область лексической проблематики» прежде всего за счет деривационных сочетаний, которые преодолевают ограниченность результатов словообразования (Уфимцева А. А. Семантика слова.— В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 14).

³⁰ Уже давно было отмечено, что «непрекращающийся обильный поток исследований и статей... вывел ее (фразеологию) из стадии скрытого развития». См.: Предисловие к кн. *Проблемы фразеологии*.— М.— JL, 1964.

³¹ На свободное сочетание как самостоятельную синтаксическую единицу существует достаточно определенное совпадение взглядов. См. в частности: Виноградов В. В. *Словосочетание как предмет синтаксиса*.— В кн.: Грамматика русского языка. М., 1960, т. 2, ч. 1, с. 10; Сухотин В. П. *Проблемы словосочетания в современном русском языке*.— В кн. *Вопросы синтаксиса современного русского языка*. М., 1950; Прокопович Н. Н. К вопросу о простых и сложных сочетаниях.— *Вопр. языкознания* 1959, № 5; Лаврентьева Н. М. *Словосочетание как единица языка и речи*.— Горький, 1980. См. также о структурных схемах и функциях сочетаний: Белошапкова В. А. *Современный русский язык: Синтаксис*.— М., 1977, с. 69—73.

³² Очень любопытен следующий факт: в языке эсперанто введен специальный суффикс *-an-* в значении «член, житель, последователь». Понятно, что в нем устраняется словообразовательная недостаточность: *urbano* «горожанин (житель города)», *vilagano* «деревнянин (житель деревни)». Системность и строгая соотнесенность классифицирующих значений и их аффиксов, безусловно, является достоинством этого искусственного языка (*Русско-эсперантский словарь*.— М., 1966, Приложение, с. 532—533).

³³ Здесь находим такую «предметную общность слов», которая обуславливает и «некоторую общность их словообразовательных и семантических примет» (Шмелев Д. Н. *Проблемы семантического анализа лексики*.— М., 1973, с. 105).

³⁴ С этой точки зрения, допустив, что такие словосочетания, как *умный мальчик* и *работать с интересом*, «представляют собой целостные номинативные образования», следует увидеть принципиальное отличие сочетаний второго типа, так как семантика *как (с интересом)* не конденсируется в глаголе, сочетания типа *работать с интересом* не имеют однословных коррелятов (ср.: *умный мальчик* — *умница*). Но и сочетание *умный мальчик* входит в деривационную систему косвенно, так как его соотнесенность с отдельным словом контекстно обусловлена (Ахманова О. С., Долгова О. В. *Синтаксическая теория и знание языка*.— *Вопр. языкознания*, 1979, № 1).

³⁵ Однако ясно, что даже эти сочетания имеют четкий признак номинативной целостности, что снимает неопределенность понятия «неоднословная номинативная единица».

³⁶ В выражении *dom szybkos'ciowy*, синонимичном слову *szybko- s'ciowiec*, слово *dom*, действительно выступает в функции суффикса *-ec*. Однако ни в польском, ни в русском языке слово *dom* (*дом*) не выступает регулярным соответствием аффикса, оно не обладает классифицирующей силой, а значит, не является деривационным словом. Такие индивидуальные соответствия слова и сочетания слов следовало бы отличать от регулярных соответствий. Ср.: *Doroszewski W. Z powodu szybkos'ciowcow czyli domow szybkos'ciowych: Studia a szkice językoznawcze*.— Warszawa; 1962, s. 260.

³⁷ Прокопович Н. Н. Словосочетание в современном русском литературном языке.— М., 1966, с. 53.

³⁸ Ревзина О. Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках.— М., 1969, с. 41.

³⁹ Кистанова М. А. Метод «синтаксических подстановок» при анализе семантической структуры словообразования.— В кн.: Вопросы грамматики и словообразования. М., 1968.

⁴⁰ Коммуникативная маркированность отдельных соответствий производного слова не учитывается также В. Дорошевым, который, если судить по известным нам работам, и положил начало данному методу исследования деривационной семантики. Повторяем, что это оправдано в определенных целях, особенно для создания общей систематики, опирающейся на модельные схемы производных, что мы находим у автора (ср., например, в польск.: *to, co miecie* 'то, что метет' — *miotla* 'метла', *to, co jest zw^zone* 'то, что завязано' — *w^zel* 'узел' и т. п. См.: *Doroszewski W. Studia a szkice jzykoznav- cze.*— Warszawa, 1962, s 214 и др. Из отечественных работ, кроме цитированных, см. также: Волоцкая З. М. Об одном подходе к описанию словообразовательной системы.— В кн.: Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966. Использование метода перифраз как способа обнаружения «элементарного смысла или элементарного деривативного семантического признака» приводит к весьма ценным результатам в описании словообразовательной семантики и в более поздних работах З. М. Волоцкой (Волоцкая З. М. К описанию системы деривационных значений (опыт применения комплексного анализа).— В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973; Она же. К сопоставительному описанию славянских языков.— *Вопр. языкознания*, 1975, № 5).

⁴¹ Например, глагол *сомневаться* имеет эксплицитное соответствие *выражать сомнение*. Но ср.: *сомневаться* — *не выражать уверенности* и т. д. (Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола.— М., 1967, с. 14).

⁴² Дмитриева Н. С. К вопросу о субстантивных описаниях в современном русском языке.— *Научн. докл. высш. школы: Филол. науки*, 1970, № 4.

⁴³ Имеются в виду перифразы порядка: *лесной солдат* (партизан), *второй хлеб* (картофель). См.: Моложай Г. Н. Перифразы в белорусском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Минск, 1971. Эти перифразы стремятся закрепиться в языке как регулярные эквиваленты слова, так как содержат смысловой «намеки» на понятие, обозначенное этим словом, и выгодно отличаются от него дополнительным элементом образности. С такими перифразами нельзя смешивать речевые заместители слова, не мотивированные внутрилингвистическими причинами. Так, сочетания *молодой человек*, *именитый гость*, *уполномоченная особа*, *столичная штука*, *важная птица* и др. в авторской речи являются характеристическими номинациями Хлестакова.

⁴⁴ Имеются в виду сочетания порядка *летний чемодан* (о чемодане с летними вещами), *чайная статья* (статья о чае). См.: Земская Е. А. Русская разговорная речь (проспект).— М., 1968, с. 65.

⁴⁵ В отличие от собственно словообразовательного значения расчлененность деривационного значения является выраженной, так как семантика производного слова и семантическое приращение производного выступают здесь отдельно. См. также: Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке.— М., 1977, с. 75.

⁴⁶ Начало этой полемики, продолжающейся до сих пор, можно встретить еще в работах Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова. См.: Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды: Сравн. языковедение.— М., 1956, т. 1; Шахматов А. А. Синтаксис русского языка.— JL, 1941, с. 18 и др. О «целостности номинации» лексических фразеологизмов см.: Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии.— М., 1957, с. 169. См. также примечание 34.

⁴⁷ В последнее время все более настойчиво подчеркивается, что «словосочетание —

номинативная единица» (Г. А. Золотова); «к синтаксическим значениям не относятся значения внутри предложения» (Е. В. Гулыга); «сочетание — единица лексического уровня» (А. М. Мухин). См. кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков — Д., 1975,

⁴⁸ Неодинаковое распределение сфер влияния синтетических (словообразовательных) и аналитических средств выражения номинаций находит свои аналоги и в грамматике. См. об этом: Серебренников Б. А. К вопросу о морфологизме.— В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.,— Л., 1965, с. 102. Но в номинативной деривации, безусловно, существует более свободная и дифференцированная «шкала постепенных переходов», чем в грамматике. См.: Арутюнова Н. Д. О критерии выделения аналитических форм.— Там же, с. 89.

⁴⁹ Синхронная соотносительность сочетания и слова, как в данном случае (*молчаливый человек—молчун*), не обязательно отражает словообразовательные связи (*молчать — молчун* но ср.: *хитрый человек — хитрец, хитрый — хитрец*).

⁵⁰ Эти соответствия были отмечены еще Ф. И. Буслаевым: «кто вспылчив, тот не зол — вспылчивый не зол; говори, что полезно — говори полезное; кто сеет, тот ожидает жатвы — сеятель ожидает жатвы» (Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка.— М., 1959, с. 279).

⁵¹ Слишком категоричным представляется, однако, мнение, которое не учитывает специфику словосочетания как означающего. «К собственно словосочетанию нет оснований относить *хочу читать, могли прийти...* поскольку это модификации одного обозначения...» (Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка.— М., 2003, с. 38—39).

⁵² Гухман М. М. Критерии выделения глагольных аналитических конструкций из других типов словосочетаний.— В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963. См. также: Смирницкий А. Н. Аналитические формы.— Вопр. языкознания, 1956, № 2; Ярцева В. Н. Об аналитических формах слова.— В кн.: Морфологическая структура слова..., с. 52 и др.

⁵³ Гухман М. М. Критерии выделения глагольных аналитических конструкций..., с. 359. Однако не все авторы придерживаются столь строгого понимания аналитичности. См., в частности, Александров Н. М. О взаимосвязи аналитических и синтетических форм.— В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М., 1965, с. 119.

⁵⁴ В. В. Виноградов, наряду с обычными синтетическими формами прошедшего времени на -л, выделяет, как известно, формы давнопрошедшего времени, мгновенно-произвольного, внезапно-произвольного действия (Виноградов В. В. Русский язык, с. 545 и др.).

⁵⁵ См. анализ различных точек зрения в нашей работе «Грамматические категории в современном русском языке» (М., 1963, с. 5—17).

⁵⁶ Кубрякова Е. С. Семантика производного слова.— В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 96 и др.

⁵⁷ Телия В. Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости.— Там же, с. 250.

⁵⁸ Dokulil M. Teoria derywacji.— Wrocław — Warszawa, 1979, s. 48.

Заключение

Рассмотренный в работе материал позволяет сделать определенные далеко идущие выводы.

1. В языке обнаруживаются минимальные микросистемы, которые, постепенно усложняясь, образуют такие системы, как фонетическая, лексическая, словообразовательная, грамматическая, язык – это система систем.
2. Обеспечивая разнообразие речевых средств, которые позволяют передать одну и ту же мысль «своими словами», эксплицитные соответствия могут быть выделены в процессе лингвистического анализа разных предложений с общим смыслом. В отличие от собственно лексических синонимов как имплицитных соответствий в границах слова, эксплицитные соответствия обычно представлены сочетаниями слов. Как и полнозначное слово, сочетание слов также выступает как номинативная единица.
3. В синхронии языка отношение между словосочетанием и словом является взаимнообратимым. Сочетание слов *тот, кто учится в школе* не вытесняется его однословным коррелятом *школьник*, а находится с ним в живой, динамической связи. Именно благодаря этому языковые единицы образуют содержательные элементы вербальной коммуникации.
4. Как основная номинативная единица и исходная по отношению к функционально соотнесенным с ней номинативным единицам иной структуры полнозначное производное слово обладает достаточно определенными признаками.
5. В слове, как цельнооформленной единице, могут морфемно конденсироваться различные значения, способные быть представленными отдельными словами и даже сочетаниями слов. В этом оправданность слова как идеальной формы номинации, в своей сути являющейся одним из результатов экономии языковых средств.
6. Наиболее часто соотносится с отдельным словом отрезок, состоящий из двух слов. Это наиболее экономная единица по отношению к слову в сравнении с любым другим отрезком слов. Но главная причина смыслового совпадения двусловных сочетаний со словом в том, что подклассы частей речи выделяются на основе обобщенных значений, которые могут при необходимости быть переданы лексически отдельным словом. Так, в предложении *Бывшие строевые солдаты производят ремонт пятистенных домов, принадлежащих крестьянам* все следующие за первым словом двусловные отрезки имеют однословные соответствия. Это дает совпадающее по смыслу предложение *Бывшие строители ремонтируют крестьянские пятистенки*. Разумеется, в речевой действительности возможны промежуточные варианты с частичным соответствием сочетаний и слов, как следствием нетождества их стилистических значений и норм словоупотребления.
7. Системная организация номинативного состава языка создается главным образом за счет развития одних и тех же его материальных элементов. Достаточно четко эта эксплицитная системность проявляется в словообразовании, в его живых, продуктивных моделях. Постепенное усложнение одной и той же корневой морфемы за счет классифицирующих морфем – словообразовательных аффиксов позволяет ей представлять свое понятийное содержание в разных классах номинаций. Но полной номинативной системностью обладают деривационные сочетания, так как они в отличие от производных слов образуются от каждой мотивирующей основы, т.е. обладают абсолютной регулярностью.
8. Нужно учитывать, что выделяется три подмножества производных номинаций:
  - 1) деривационное сочетание, соотносительное со словом;
  - 2) деривационное

сочетание, не имеющее соотносительного слова; 3) слово, не имеющее соотносительного деривационного сочетания.

Список использованной литературы

1.

- 1.1. Гармонично развитое поколение – основа прогресса Узбекистана (Речь Президента И.Каримова на девятой сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 29 августа 1997 года.
- 1.2. Идеология – это объединяющий флаг нации, общества, государства (Ответы Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на вопросы главного редактора журнала «Гафаккур»).
- 1.3. Каримов И.А. Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология. Т.1. Ташкент, 1996.
- 1.4. Каримов И.А. Наша цель: свободная и процветающая Родина. Т.2. Ташкент, «Узбекистан», 1996.
- 1.5. Каримов И.А. Родина священна для каждого. Т.3. Ташкент, «Узбекистан», 1996.
- 1.6. Каримов И.А. По пути созидания. Т.4. Ташкент, «Узбекистан», 1996.
- 1.7. Каримов И.А. Мыслить и работать по-новому – требование времени. Т.5. Ташкент, «Узбекистан», 1997.
- 1.8. Каримов И.А. Узбекистан на пороге 21 века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент, 1997.
- 1.9. «Без исторической памяти нет будущего» (журнал «Мулокот», 1998 год, №5).
- 1.10. Мечта о совершенном поколении. – Ташкент, 1999.
- 1.11. Каримов И.А. Узбекистан на пороге обретения независимости. – Ташкент, 2012.

2.

- 2.1. Абрамов Б.А. О связях и взаимодействии синтаксиса и словообразования // Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М. Горького, 1980, вып. 164.
- 2.2. Абызова В.Н., Муравенко Е.В. Трансформационный подход к проблеме деривации // Теоретические аспекты деривации. – Пермь, 1982.
- 2.3. Алексеев Д.И. Сокращенные слова в русском языке. – Саратов, 1970.
- 2.4. Белошапкина В.А. О двух типах отношений в деривационной парадигме (к вопросу о связи словообразования и синтаксиса) // Актуальные проблемы словообразования русского языка. – Ташкент, 1982.
- 2.5. Вопросы словообразования и номинативной деривации в славянских языках. – Гродно, 1982.
- 2.6. Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. – М., 1979.
- 2.7. Грамматическая лексикология русского языка. – Казань, 1978.
- 2.8. Ермакова О.П. Проблемы лексической семантики производных и нечлененых слов. – М., 1981.
- 2.9. Калниязов М.У. Окказиональные и потенциальные слова в языке советской периодики (суффиксальные имена существительные) // АКД. – М., 1978.
- 2.10. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация. Виды наименований. – М., 1977.
- 2.11. Кубрякова Е.С. Части речи в ономазиологическом освещении. – М., 1978.
- 2.12. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М., 1981.
- 2.13. Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. О типологии процессов деривации // Теоретические аспекты деривации. – Пермь, 1982.

- 2.14.** Лыкова Н.А. О границах между словоизменением, формообразованием и словообразованием в русском языке // НДВШ, Филологические науки. – 1981. - №3.
- 2.15.** Манучарян Р.С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. – Ереван, 1981.
- 2.16.** Марков В.М. О семантическом способе словообразования в русском языке. – Ижевск, Изд-во Удмуртского ун-та, 1981.
- 2.17.** Мартынов В.В. Категория языка. – М., 1982 (гл. Словообразование).
- 2.18.** Мигирова Н.И. Типы номинаций для обозначения статуса лица в современном русском языке. – Кишинев, 1980.
- 2.19.** Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. – М., 1980.
- 2.20.** Мурясов Р.З. Производное слово как структурный минимум выражения синтаксических отношений. // АПРС, 1978.
- 2.21.** Мусатов В.Н. Деривация и употребление сингулятивов в современном русском языке // АКД. – М., 1978.
- 2.22.** Никитевич В.М. Словообразование и деривационная грамматика (Спецкурс по общему языкознанию для студентов-филологов). Алма-Ата, Казах. гос. ун-т, 1978. Ч.1. Словообразование и номинативная деривация.
- 2.23.** Никитевич В.М. Идиоматичность и аналитизм как свойства номинативной деривации // Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца, 1980, № 164.
- 2.24.** Никитевич В.М. Словообразование и деривационная грамматика (Спецкурс). Гродно, Гродненский гос. ун-т, 1982. Ч.2. Словообразовательные единицы и семантика производных разной структуры).
- 2.25.** Почепцов Г.Г. Минимизация семантических ролей (об одном аспекте взаимодействия словообразования и синтаксиса) // Сб. научных трудов. МГПИИЯ им. М. Тореца, 1980, № 164.
- 2.26.** Проблемы дериватологии. – Пермь, 1981. Вып. 1-2.
- 2.27.** Проблемы ономазиологии. – Курск, 1977.
- 2.28.** Прокуденко Н.А. Деривационные связи отсубстантивных оценочных глаголов современного русского языка // Вопросы словообразования в индоевропейских языках, вып. 2. Томск, 1978.
- 2.29.** Руделев В.Г. Существительные в русском языке. – Тамбов, 1979.
- 2.30.** Русская грамматика (в 2-х томах). АН СССР. – М., 1980.
- 2.31.** Сахарный Л.В. Производное слово как тип коммуникативной номинации // Психолингвистические и социолингвистические детерминанты речи. – М., 1978.
- 2.32.** Сахарный Л.В. Коммуникативная номинация: оформление, осознание, типология // Семантика и производство лингвистических единиц (Проблемы деривации). – Пермь, 1979.
- 2.33.** Сахарный Л.В. Словообразование в речевой деятельности (образование и функционирование производного слова в русском языке) // АДД. – Л., 1980.
- 2.34.** Семантика и производство лингвистических единиц (Проблемы деривации). Пермь, 1979.
- 2.35.** Словообразование и фразообразование. Тезисы докладов научной конференции. – М., 1979.
- 2.36.** Способы номинации в современном русском языке. – М., 1982.
- 2.37.** Телия В.Н. О дополнительности слово- и фразообразовательных способов номинации в сфере обозначения непредметных сущностей // Сборник научных трудов. МГПИИЯ им. М. Тореца, 1980, вып. № 164.
- 2.38.** Теоретические аспекты деривации. – Пермь, 1982.
- 2.39.** Торощев И.С. Словопроизводственная модель. – Воронеж, 1980.
- 2.40.** Фомина А. Словоизменение, формообразование и словообразование: взаимосвязь и взаимодействие // Нар. асвета. – Минск, 1980, № 34, 6.
- 2.41.** Храковский В.С. Синтаксическая деривация и словообразование //

Словообразование и фразообразование. Тезисы докладов научной конференции. – М., 1979.

2.42. Черемухина Т.А. Лингвистическое и психолингвистическое исследование словообразования (на материале детской речи). – М., 1981.

2.43. Чинчлей Г.С. Словообразовательные и деривационные гнезда. – АПРС, 1982.

2.44. Шатуновский И.Б. Коммуникативные функции слова и отношения мотивации \\ НДВШ, ФН, 1982.

2.45. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования . – Томск. Изд-во Томского ун-та, 1979.

3.

3.1. www.ref.by/refs/

3.2. www.search.otvet.

3.3. www.evolution.allbest.ru.

3.4. www.sigieja.narod.ru.

3.5. www.edu.ulsu.ru/flims/

3.6. www.theideology.narod.ru/lib/lag_01.html